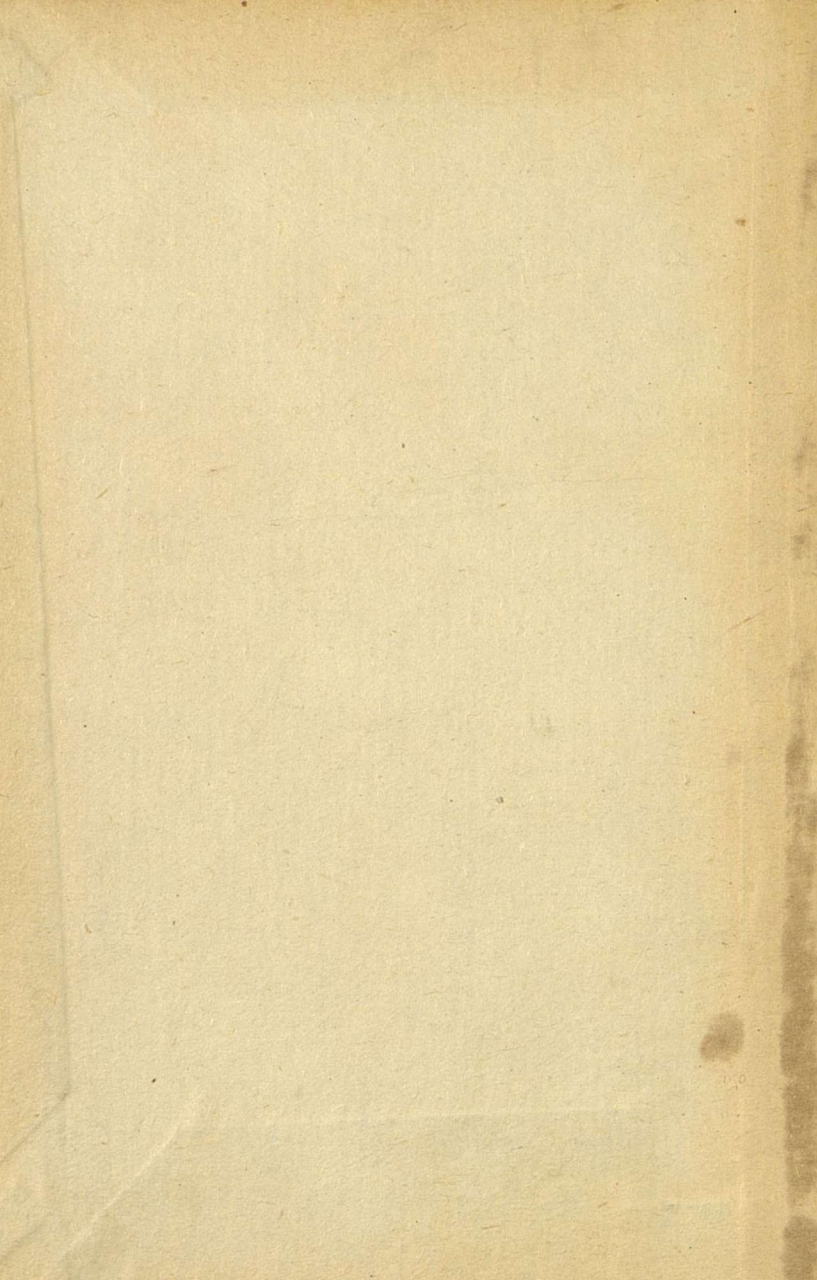

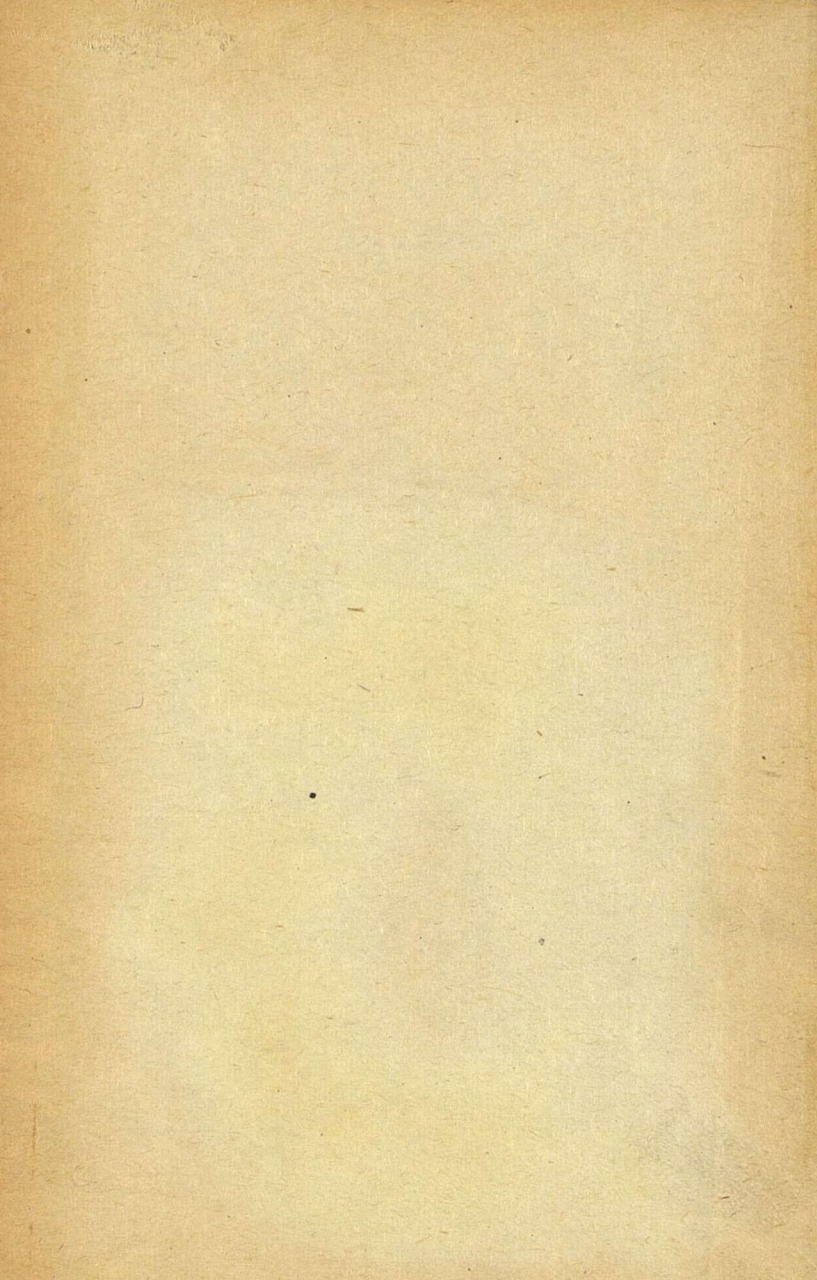
Ручин, п В

Р 885

В Боевой
Группе Камо

П. РУСИН

В боевой группе

КАМО

Молодая Гвардия

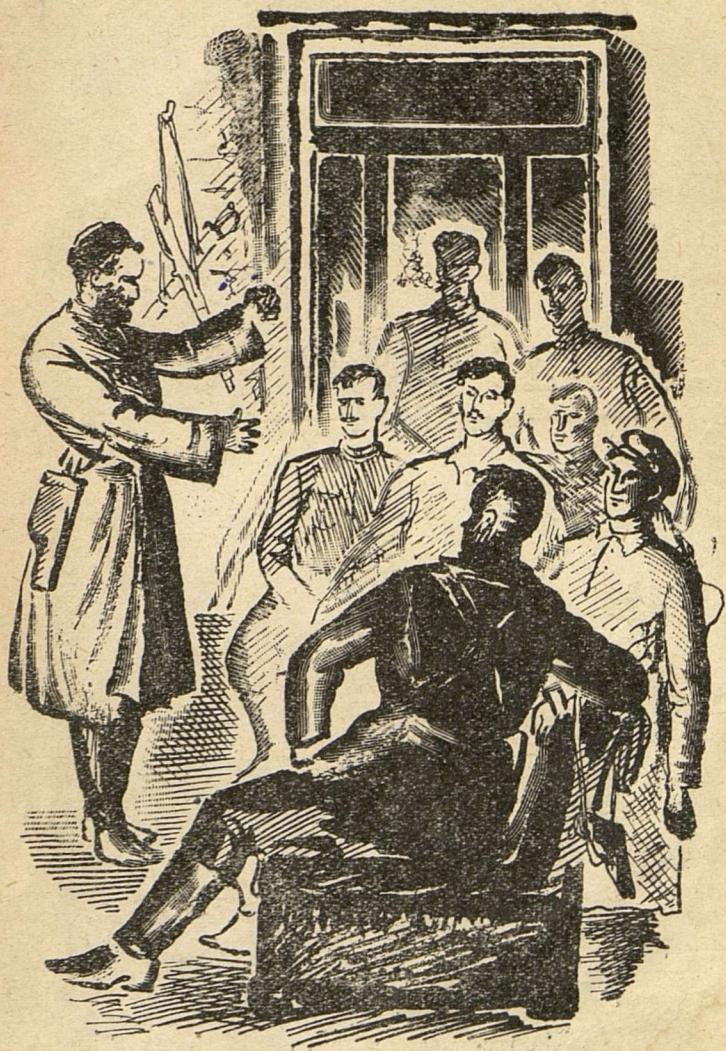
1931

Пров. 1969

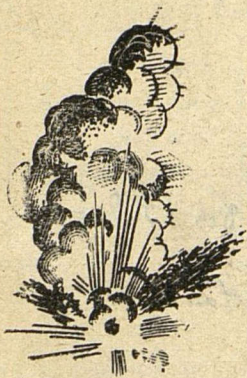

Р885
П. РУСИН

Р885
В БОЕВОЙ
ГРУППЕ
КАМО

ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ЧЛЕНА
БОЕВОЙ ГРУППЫ

Р. В. АКСЕНОВА-РАЗИНА

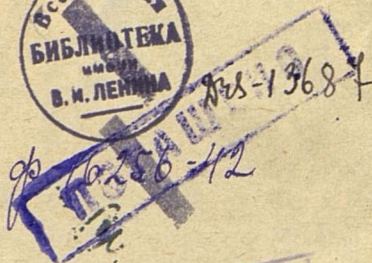
Рисунки и оформление
книги худ. П. ЛУНИНА

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1931

Типография Издат. „Молодая
Гвардия“ Ленинград, В. О.,
5 лин. 28, Зак. Изд-ва № 4550.
Главлит № А-76406. Тираж
10.100. Печатн. лист. 4.

1957-58

645653 Kx-reg

Российская государственная
детская библиотека

36545

1957-58

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМ ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ
ДЕТСКАЯ

492 + 99

84

КНИГА ИМЕЕТ:

Б. 027

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1946 г.
8						А	49	

Зак. 7. Тир. 100 экз.

355

Типография Издат. „Молодая
Гвардия“ Ленинград, В. О.,
5 лин. 28. Зак. Изд-ва № 4550.
Главлит № А-76406. Тираж
10.100. Печатн. лист. 4.

645653 Кх-ре

Российская государственная
детская библиотека

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДОШКОЛЬНИКОВ
ДЕТРИЗ

422 + 92

Б И О Г Р А Ф И Я   К А М О

Т Е Р - П Е Т Р О С Я Н А ¹

15 мая 1882 года старинный грузинский городок Гори, б. Тифлисской губернии, стал родиной Семена Тер-Петросяна.

Городок Гори, лежащий в долине, рассекаемой вечно бурлящими волнами Куры, окружен голубою рамкой гор. Этот город—сплошные фруктовые сады и виноградники, напоенные солнечным зноем Кавказа.

Детство Сенько (так звали его тогда) проходило через две противоположных струи в семейных отношениях Тер-Петросянов. С одной стороны, мать, горячо любившая своего первенца. Сенько платил ей не менее горячей взаимностью. С дру-

---

¹ Материалы для биографии взяты из книжки тов. Медведевой—Тер-Петросян, „Герой революции“, Госиздат 1925 г.; из очерков тов. Черноморского, напечатанных в „Рабочей Газете“ за 1925 г.

гой — отец его, Аршак Тер-Петросян, живший не в ладах с матерью, не любил Сенько.

Семи лет Сенько отдают в армянскую школу, но учеба была трудно совместима с его независимым и непокорным характером. Одиннадцати лет он учится в городском училище. Сенько не сердится на то, что товарищи смеются над его неправильным произношением вопросов дательного падежа: вместо „кому, чему“ он произносил „камо, чемо“. Его еще в школе товарищи стали звать Камо, а впоследствии, с легкой руки тов. Сталина, эта кличка закрепилась за Тер-Петросяном и в партийной работе.

Жизнерадостный и любознательный характер Камо выпирал в нем из всех пор его организма. Однажды на уроке закона божьего Камо, мучимый сомнением, спросил попа: „Действительно ли был Христос и верно ли то, что он сошел с небес на землю?“ Поп, которому Камо, очевидно, не раз задавал подобные вопросы, настоял на исключении Камо из училища как опасного и дерзкого вольнодумца.

Четырнадцатилетний Камо вернулся в родной дом, где распря между отцом и матерью, подхлестываемая пошатнувшимися в хозяйстве делами отца, приняла острый характер. Камо, чтобы скрасить жизнь матери, всеми силами старался помочь ей, исполняя всякую мелочь по хозяйству. Отец же устраивал богатые пирушки для „именитых“ людей, не жалея для этого ничего из

своих подвалов. А после пирушек проявлял удвоенную скупость по отношению к семье.

Камо любил все хорошее, все человеческое, и воплощением этого была его мать. Для нее, если бы потребовалось, он не задумываясь отдал бы свою жизнь. Сенько любил силу, в чем бы она ни выражалась, но он не переносил, когда силу употребляли для унижения и угнетения человека. Отец его был непримиримо жестокого характера, что установило между ними глухую, беспробудную ненависть. Как-то, когда Камо было 16 лет, выведенный отцом из терпенья, он схватил топор и тем самым заставил отца бояться себя.

Камо решил готовиться для службы на военном поприще и уехал в Тифлис. Там он нашел своих же горийцев—т.т. Сталина и Вардаянца, которые и занялись, особенно Сталин, его подготовкой, но совершенно в другом направлении. Они познакомили его с основами марксизма и перспективами работы революционера. Камо легко воспринял преподносимое новыми учителями и решил работать в партии, задачи которой совпадали с его страстным желанием бороться с угнетателями свободы.

К 1901 году мать Камо умирает, и он целиком уходит в партийную работу. Он ведет техническую организаторскую работу от Тифлиса до Батума и от Батума до Баку, организуя типографии, конспиративные квартиры, налаживая доставку шрифтов, литературы и прочего, необ-

ходимого в каждодневной работе партии. Он достигает вершин совершенства в гриме, в переодевании до того, что его не узнавали даже самые близкие люди.

В ноябре 1903 года, в Батуме Камо арестовали с чемоданом нелегальной литературы и засадили в батумскую тюрьму. Просидев в ней 9 месяцев, он бежал. С этих пор он переходит на нелегальное положение и продолжает работать в партии как технический организатор до 1905 года.

Революционная волна пятого года захватила Камо в Тифлисе, где он во главе одного из отрядов восставшего района Нахаловки сражается с казаками. Окруженный превосходящими его силы правительственными войсками, он геройски бьется вместе со своим отрядом. Но восставшие разбиты, и Камо схвачен. Над ним издеваются казаки, окровавив его побоями. Они заставляют его рыть для себя могилу, потом начинают его вешать, но, вынув из петли, опять заставляют рыть, для того чтобы снова всунуть в петлю. Наконец измученного Камо доставляют в тюрьму. После двухмесячного заключения ему, при помощи товарищей (по подложному паспорту), удается снова освободиться.

В 1906 году в России нельзя было достать оружия, и ЦК партии решил закупить все это за границей.

Для этой цели было поручено Камо купить в Руминии небольшой дешевый пароход и на

нем переправить оружие в Россию. Когда пароход вышел из румынского порта, поднялась буря, и он пошел ко дну не遠далеке от берега. Экипаж едва спасся на подоспевших рыбацких лодках. Камо удалось с большими трудностями, перебравшись через румынскую границу, возвратиться на Кавказ.

После поражения революции пятого года начинается полоса упадка и неверия в революционные силы пролетариата. Но Камо—истинный большевик: он не может помириться с такими настроениями и деятельно работает над укреплением партии.

Камо собирает по лесам и ущельям людей, не признающих поражения революции, и организует вооруженные группы.

Некоторые из них становились бандитами, грабителями. Всех лучших и действительно революционных людей Камо старался вернуть в русло партийной работы. Ему удалось убедить не один десяток искренних и смелых революционеров; некоторые из них и по сей день отлично работают в партии.

В это время партия неотложно нуждалась в средствах. Самых насущных мероприятий нельзя было провести из-за отсутствия денег. Набрав группу беззаветно храбрых и преданных партии людей, Камо совершил удачную кутаисскую экспроприацию, давшую партийной кассе пятнадцать тысяч рублей. Но и этого было недостаточно.

В 1907 году Камо едет в Финляндию, советуется с Владимиром Ильичом, приобретает оружие и динамит и возвращается на Кавказ, где немедленно принимается за работу. Нужно было организовать связь между городами; нужно было наладить поступление сводок: где, когда и сколько денег перевозится или хранится в банке, где какая охрана; нужно было для этого найти верных людей и организовать их.

Там, где одной беззаветной удали было недостаточно, Камо умел холодно обдумывать, рассчитывать, взвешивать. В короткое время он установил основные пути, по которым перевозились деньги и денежная почта. Первая попытка не удалась. Камо от разорвавшейся бомбы получил повреждение левого глаза, ожог, вызвавший изъязвление стенок желудка, и разрыв мягких частей левой кисти и предплечья.

Едва выздоровев, он опять принялся за работу. Вторая попытка оказалась тоже неудачной: струсили проводники, которые после экспроприации должны были укрыть в горах боевиков. Третья попытка увенчалась успехом: экспроприация на Эриванской площади в Тифлисе дала партии двести пятьдесят тысяч рублей.

В том же 1907 году, в ноябре месяце, ЦК партии посылает Камо для работы в Берлин, где его, под фамилией Мирского, арестуют. При нем был обнаружен чемодан, в двойном дне которого оказались принадлежности к снаряжению взрыв-

чатых снарядов значительной силы, а при обыске в его комнате полиция нашла электродвигатель для производства взрывов на расстоянии. Несмотря на всю изворотливость Камо, его все-таки опознали и заключили в тюрьму. К этому времени Камо имел за своими плечами слишком много «преступлений» и своими экспроприациями был хорошо известен далеко за пределами России.

Участь, ожидавшая Камо, была слишком очевидна, чтобы кто-либо мог обманываться на этот счет. Немецкая социалдемократическая партия исходатайствовала допущение к Камо известного адвоката Оскара Кона. Оскар Кон с первой встречи почувствовал, что Камо—незаурядная личность, а Камо с своей стороны выказал полное доверие к адвокату. Через Оскара Кона Л. Б. Красин, тогда находившийся в Берлине, передал Камо записку, в которой советовал ему симулировать буйное помешательство.

В судебной психиатрии известно много случаев симуляции помешательства, за которую брались люди с медицинской подготовкой и, несмотря на крайнее напряжение силы воли, не могли продержаться более двух месяцев. Но Камо поставил неслыханный рекорд в этой области. Его великолепное здоровье, громадный запас физических сил, воистину стальная сила воли и непримиримая ненависть к своим политическим врагам позволили ему симулировать четыре года. Много

врачей, врачебных комиссий, консилиумов испытывали, пытали (в полном смысле этого слова), проверяли Камо со всех сторон, даже демонстрировали его на всегерманском съезде, и все медицинские светила должны были признать, что имеют дело с действительным умопомешательством.

Как горячо ни настаивал Оскар Кон перед правительством Германии, чтобы Камо не был выдан русским властям, его все-таки в октябре 1909 года, на станции Врепен — Стрелково, немецкие полицейские власти передали в руки русских жандармов. С передачей Камо в лапы реакционного русского правительства можно было считать его судьбу решенной.

Оскар Кон своей статьей в „Форвертсе“ призывал во имя человечества защитить Камо от грозящей жестокой расправы. Вся либеральная немецкая пресса подхватила статью Кона. В свою очередь, Эрве в парижской „Юманите“ со всем негодованием обрушился на германское правительство, выдавшего заведомо больного человека как политического преступника.

Шум, поднятый в печати, и присланные тем же Коном свидетельства и удостоверения о неизлечимости Камо, заверенные берлинскими знаменитостями, сделали свое дело. Русское правительство и военный суд волей-неволей должны были с этим считаться.

Суд был назначен в Тифлисе. Уже в первый день процесса зал заседаний и все примыка-

ющие к нему коридоры были переполнены людьми. Всем хотелось увидеть прославленного героя. Но зрелище было прямо противоположно обывательскому представлению о героях. Исхудалый, в лохмотьях, с ввалившимися, блуждающими черными глазами, Камо, перед которым ранее трепетали самые сильные ставленники капитализма, теперь бесконечно жалкий предстал перед глазами тифлисской публики.

Прежде чем отвечать на вопросы судей, Камо вынул из-за пазухи щегла Петьку, прирученного им в тюрьме, посадил на плечо и стал кормить крошками от бублика. На предлагаемые ему вопросы, если щегол сидел смирно, не отвечал, а если Петька клевал в плечо, то Камо нес такую ахинею, что судьи вынуждены были его останавливать. В заключение, с улыбкой крестина на лице, Камо сунул в рот одному из судей остаток бублика. Это произвело тяжелое впечатление на всех, а тетка и сестры Камо убедились, что их любимец действительно сумасшедший. Суд признал, что Камо необходимо подвергнуть испытаниям в психиатрической больнице Метехского замка, где он пробыл год и четыре месяца. Тифлисские врачи констатировали, что Камо неизлечимо болен, и его перевели в Михайловскую больницу, откуда Камо, при помощи служителя Брагина¹, бежал.

---

¹ Брагин за это заплатился ссылкой в Сибирь.

Все полицейские и военные силы Тифлиса были поставлены на ноги, город был оцеплен, свирепствовал строжайший контроль при выезде. Камо мобилизовал все свои силы конспиратора, чтобы выбраться из осинового гнезда. План был до гениальности прост.

Каждый день перед вечером на улице, выходящей на Мцхетское шоссе, стала появляться стайка гимназистов и молоденьких барышень, катающихся на велосипедах. Солдаты, охранявшие выход на шоссе, с удовольствием смотрели на упражнения веселой молодежи. Случалось, что кто-нибудь из велосипедистов, увлекшись, перекатывал за черту города. Тогда слышался грозный окрик часовых. Но каждый день повторяющееся зрелище приедается, и велосипедисты стали часто переезжать через запрещенную черту, никем не останавливаемые. Как-то один из группы перекатил за черту и скрылся за поворотом шоссе. Остальные возвратились. Никто из часовых не заметил, что в группе недостает одного велосипедиста. А в это время Камо (это был он), уверенно нажимая на педали, мчался в Мцхет. Он опять вырвался на свободу.

Вскоре после благополучного бегства из Тифлиса группа батумских товарищей, при помощи матросов, устроила Камо в трюме парохода (он ехал к Ильичу в Париж) среди груды бочонков и ящиков. По прибытии Камо в Париж Владимир Ильич нашел его здоровьe крайне расшатанным

и потребовал, чтобы Камо взял денег на свой отдых и лечение. Камо, как и всегда, очень мало истратил на себя, вернув остальные деньги в партийную кассу.

Из Парижа ¹ Камо уехал в Швейцарию, оттуда в Константинополь, где был арестован, а затем освобожден при участии грузинских монахов из монастыря Нотр-Дам-де-Лурд. Камо удалось установить с ними отношения, способствовавшие отправке оружия в Россию. Через них же он получил болгарский паспорт и выехал в Болгарию.

В Болгарии Камо вновь был арестован, но его выручили из тюрьмы Благоев и Кирков. Они поручились, что хотя Камо — русский социалист Семен Савчук, но он является членом международного комитета для помощи турецким христианам. Благодаря этому Камо получил разрешение выехать через порт Бургас в Трапезунд. Вначале же его хотели выслать в Румынию, что было равносильно выдаче России.

Из Бургаса пароход шел через Константинополь. Здесь Камо сделал попытку через знакомого ему тифлисского беглеца, занимавшегося контрабандой, перебраться на пароход, идущий в Батум. Камо пытался переправиться с парохода на пароход в лодке, но был задержан

---

¹ Из примечаний А. Зонина к книжке тов. Медведевой „Герой революции“.

таможенным чиновником и со своим багажом (оружие и взрывчатые вещества) передан константинопольской полиции. Тут он назвал себя Иваном Зоидзе, именем, под которым он был известен константинопольским монахам и правительственным агентам.

Турецкая полиция, запросив у них сведения об Иване Зоидзе, немедленно его освободила. Однако, опасаясь запроса русского правительства, так как в газетах появилось сообщение об аресте русского анархиста, власти задержали Камо на семь дней и затем предложили ему выехать в Афины.

На прощание министр внутренних дел предложил Камо при следующих поездках предупредить его, чтобы вновь „случайно“ не произошел арест.

Все это время Камо представлялся грузинским федералистом, чтобы в случае неудачи никоим образом не дать возможности обвинять партию в использовании турецкого правительства. Таким Камо был всегда. Всякую авантюру, необходимую в интересах рабочего класса, он вел на свой риск, избегая даже называть себя „социалдемократом“.

Через несколько месяцев Камо вернулся в Россию. Он стал собирать старых боевиков для новых предприятий.

Но старых товарищей осталось немного: одни отошли от политической борьбы, другие умерли,

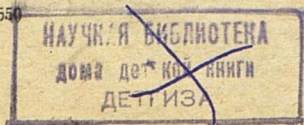
отошли от политической борьбы, другие умерли, третьи находились в тюрьмах или в ссылке. Организованное им дело на Коджорском шоссе осенью 1912 года провалилось. Виной тому была несогласованность действий боевиков. Одна группа в самый решительный момент опоздала, и казаки, сопровождавшие денежную почту, потеряв семь человек убитыми, захватили отступавшего Камо, еще двух боевиков и одного раненого.

Опять Камо был водворен в хорошо знакомый ему Метехский замок. На состоявшемся вскоре суде ему были вынесены сразу четыре смертных приговора: за вооруженное восстание в 1905 году, за тифлисскую экспроприацию, за побег из Михайловской больницы и за попытку экспроприации на Коджорском шоссе.

Приговор должен быть через месяц приведен в исполнение.

Условия заключения не допускали даже и мысли о возможности побега. Камо всё это взвесил и примирился. Во время последних недель он вел себя мужественно и даже был весел. Котэ Цинцадзе, сидевший в замке по тому же делу, и Камо ухитрились обменяться записками. Камо на соображения Цинцадзе ответил: „Догадался, нашел письмо¹, примирился со смертью, совершенно спокоен. На моей могиле до сих пор

¹ Записка Цинцадзе была прислана в лампе.

должна была вырасти трава в три сажени. Нельзя же все время избегать смерти. Когда-нибудь должен умереть. Но еще раз попытаю счастья. Постарайся принять какие-либо меры для побега. Может быть, еще раз удастся поднять на смех наших врагов. Я весь в кандалах. Делай что хочешь. Я на все согласен". Но планы побега оказались непригодными.

Спасение пришло с неожиданной стороны. Прокурор суда Галицинский, изучая дело Камо и видясь с ним несколько раз, проникся восхищением перед ним и решил сохранить ему жизнь. Галицинский медлил с посылкой приговора на утверждение в расчете, что наступающий трехсотлетний юбилей дома Романовых даст возможность смертную казнь для Камо заменить каторгой. Этот расчет оправдался, смертная казнь была заменена двадцатилетней каторгой. За эту уловку Галицинский поплатился выговором и крахом карьеры.

В 1915 году Камо был переведен в Харьковскую каторжную тюрьму, где его посадили вместе с уголовными. Режим был невероятно тяжел. Камо все время приходилось опасаться своих же товарищей по заключению, духовное убожество которых было ниже всяких описаний. Кроме того, тюремное начальство по самым малым пустякам с зверской беззастенчивостью издевалось над заключенными; случись это с ним, он ответил бы смертельным ударом.

Во все времена года, даже в самые сильные морозы, Камо ходил без шапки, и это позволяло ему не гнуть головы перед тюремщиками. За это и за многое другое арестанты по-своему оценили Камо и называли его „Большим Иваном“¹.

Хотя Камо и старался казаться веселым, когда ему приходилось (очень редко) видаться с близкими, но чувствовалось, что каторга убивает его. В разговоре он часто забывался, и глаза его с выражением безысходной тоски устремлялись куда-то вдаль.

Трудно сказать, чем бы кончилось это безмерно тягостное существование, если бы не подоспела революция.

В марте 1917 года Камо вырвался на свободу, побывал в Москве, в Питере. Политическая жизнь в России гигантскими волнами перекатывалась из края в край страны; революция готовилась сокрушительным девятым валом ударить по капитализму. И только здесь Камо почувствовал, сколько сил и энергии отняла у него каторга. Владимир Ильич, увидев Камо, прогнал его на Кавказ поправлять свое здоровье.

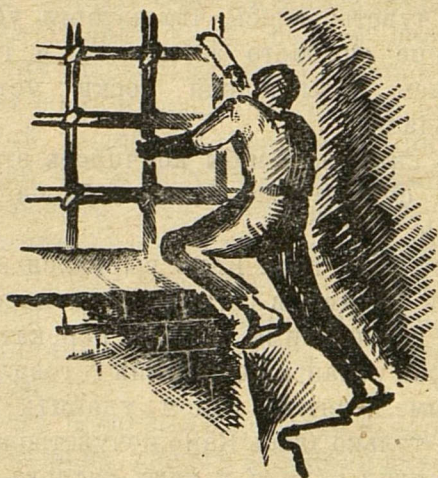
В Тифлисе, в состоянии полного упадка физических и духовных сил, Камо чуть было не привел в исполнение внезапно мелькнувшую мысль о самоубийстве. Но ненависть к врагам рабочего

---

¹ „Большой Иван“ — почетный „чин“ в среде уголовных каторжан.

класса оказалась неизмеримо сильнее желания умереть, и Камо остался жить.

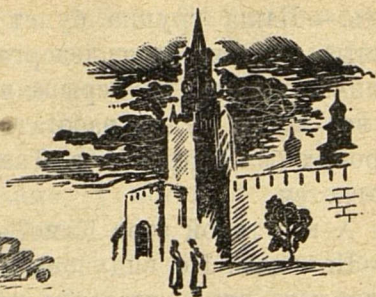
Горный курорт Кавказа быстро поправил его здоровье. И Камо снова ринулся в водоворот политической борьбы.

ГЛАВА I

МОСКВА

У ВОРОТ СПАССКОЙ БАШНИ

Июль 1919 года. Москва похожа на большой военный лагерь. Каждый день уезжают на фронт все новые и новые отряды пролетариев. Лихорадочно работают курсы, готовящие красных командиров. Фронтное кольцо, сжимаясь, движется к Москве. ЦК партии — в напряженнейшей работе. Все средства брошены для решения огромной задачи — отстоять первое пролетарское государство.

Щетинщиков и Разин, курсанты Первых Московских кремлевских пулеметных курсов, стоят возле ворот Спасской башни. Мимо них то-и-дело, рыча, пробегают на низких колесах крытые автомобили.

— Так ты говоришь, — обращается Разин к Щетинщикову, — что поступил в боевую группу Камо?

— Неужели ты до сих пор этого не знал? — И Щетинщиков как-то по-школьнически выпятил

грудь. — Наша группа будет выполнять всевозможные задания для дезорганизации тыла противника, вплоть до взрыва штабов. Понимаешь? Мы все время будем работать среди денкинцев и прочих белогвардейцев. Там, брат, дрейфить не полагается.

— А кто такой этот Камо? — спросил Разин.

— Не знаю. По виду он — настоящий кавказец. Это из него, что называется, прет... Дело свое, на верное, знает...

И в каком-то раздумьи добавил:

— Разве можно доверять такое дело первому встречному?

Они стали прощаться.

Не выпуская его руки, Разин спросил:

— К кому раньше всего надо обратиться?

— За чем? — удивился Щетинщиков. Но было видно по его глазам, что он понял, о чем его спрашивает Разин. — Прежде всего лети, браток, к Енукидзе, — улыбнулся он.

ЗНАКОМСТВО С КАМО

Разин, придя к Енукидзе в условленные часы, застал его занятым. Пришлось некоторое время ожидать в приемной.

Там сидел еще один человек. Разин сначала не обратил на него внимания и стал разглядывать незатейливую обстановку комнаты, в то же время чувствуя, что незнакомец пристально следит за ним. Тогда он, в свою очередь, осмот-

рел своего случайного соседа. Он увидел самое обыкновенное, типичное для кавказцев лицо с большими черными глазами навывкат.

В приемную вошел Енукидзе и, указывая на незнакомца, обратился к Разину:

— Вот товарищ Камо, у которого вы хотите работать в боевой группе.

Поворот дела для Разина был настолько неожиданным, что он успел лишь шаблонно отрекомендоваться.

Камо быстро заговорил с Енукидзе по-грузински. Их разговор длился с минуту. Камо говорил очень быстро, сопровождая слова энергичной жестикуляцией, что при небольшом росте делало его чрезвычайно подвижным.

Закончив разговор, Камо с Разиным направились к выходу из Кремля. Камо весело бросал взгляды по сторонам и как-будто внутренне чему-то посмеивался. Спустившись к площади Революции, они свернули в Александровский сад и присели на свободную скамейку. Разин вынул сигареты, которые выдавались на курсах, и предложил Камо

— Спасибо, я не курю,—ответил Камо.—Скажи лучше, почему ты не хочешь оставаться на курсах?

Разин стал объяснять, что ему хочется скорее на фронт, что он не может мирно заниматься на курсах, когда Деникин с каждым днем все ближе подходит к Москве. Камо улыбнулся.

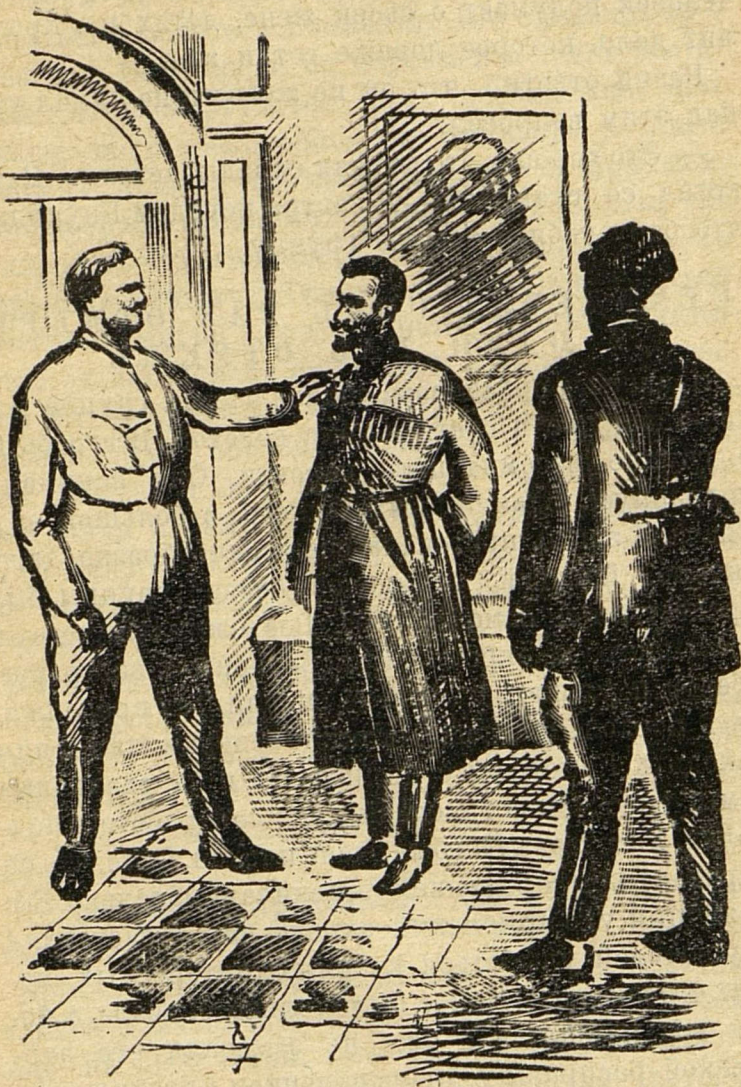
— Это правильно, на курсах и потом можно доучиться,—согласился он.

Поговорили они около часу. Камо задавал самые неожиданные вопросы и внимательно вслушивался в ответы. Трудно представить себе, какую подробную анкету получил Камо. Он спрашивал, умеет ли Разин владеть холодным и огнестрельным оружием, каким именно и в какой степени; как на него действует ружейная, пулеметная и орудийная стрельба; где, в качестве кого он участвовал во время переворота; какие случаи этой борьбы особенно запомнились и какое произвели на него впечатление.

Камо просил отвечать подробнее. И казалось, что, слушая, он хотел проникнуть в ход мыслей собеседника. Камо внимательно рассматривал то его руку с сигаретой, то носок его сапога, которым Разин, чуть волнуясь при ответах, разгребал гравий на садовой дорожке. Когда Камо перекидывал взгляд на лицо, чувствовалось, что спрашиваемый не мог бы скрыть от него ни единого движения лица. Камо заставил Разина вспомнить и рассказать свою жизнь, работу в железнодорожном депо слесарем, помощником машиниста. Узнав, что Разин—единственный сын и что отец его давно умер, Камо заметил, что матери будет очень тяжело, если его где-нибудь ухлопают белые. При этом замечании оба собеседника улыбнулись.

— Ну, а как у тебя насчет сердечных дел? — спросил Камо, и его брови чуть приподнялись. — Ты не смущайся, что я тебя так спрашиваю. Знаешь, бывает, что в самый ответственный

момент, где надо рискнуть, может быть, жизнью, человек подумает о своей жене, детях и... провалит дело, которое дороже сотни жен.

Разин ответил, что он не женат и не думал еще над этим вопросом.

— Это хорошо, что все так складывается. — Камо встал со скамейки.—Я завтра передам Енукидзе, что беру тебя в боевую группу.

СЕМЬДЕСЯТ СЕМЬ РАЗ ОТМЕРЬ И ОДИН РАЗ ОТРЕЖЬ

31 августа организовавшаяся боевая группа находилась уже в Третьем доме советов. Всего было в группе восемнадцать человек. Они занимали полкорпуса здания, выходящего в большой сад. Вначале жизнь протекала очень однообразно, даже кучно. Каждый из членов боевой группы был предоставлен самому себе. Все ожидали чего-то особенного, но, кроме безукоризненных завтраков, обедов и ужинов ничего не видели. Так продолжалось несколько дней. Потом по вечерам стал к ним заходить Камо, вел с ними беседы на различные темы; рассказывал о своей прошлой работе в подпольи. Рассказчик он был очень плохой, но то, что он передавал, было в высшей степени занимательно. Его режущий ухо армянский акцент порой заставлял слушателей улыбаться в самых интересных местах его рассказа. Но так было только сначала, а потом все привыкли и уже не замечали его варварской расправы с произношением русских слов.

В один из вечеров Камо рассказывал о своей подпольной работе в Германии. Его однажды арестовали в Берлине, и он очутился в такой обстановке, что выкрутиться было невозможно. Все бумаги, подтверждающие его личность, а также маршрут и цели поездки находились при нем. Неопровержимые улики налицо. Тогда он стал симулировать сумасшедшего, но, невзирая на это, его отправили в тюрьму. Там, продолжая притворяться сумасшедшим, он в течение четырех дней отказывался от пищи и от показаний полицейским властям. Его отправили в больницу для умалишенных и консилиуму врачей-специалистов было приказано «вывести его на свежую воду». Врачи применяли к нему настоящие пытки: пропускали через тело электрический ток, кололи иглками под ногтями, капали на чисто выбритую голову холодную воду.

В этом месте рассказа Камо внимательно осмотрел своих слушателей, и ему показалось, что в глазах одного он прочел отражение страха. Он зло усмехнулся.

— Что, приятель, нос повесил? Иголок испугался?

И спокойно продолжал дальше свой рассказ.

Врачи единогласно подтвердили его действительное сумасшествие, и он был оставлен в больнице на излечение. Вскоре берлинские власти выдали Камо русскому правительству, которое

заточило его в Метехский замок в Тифлисе. Товарищи организовали для него побег. По их плану он должен был выпилить несколько железных прутьев у окна в клозете и скрыться.

В больницу ему были переданы инструменты и все необходимое для побега, но он с неделю не мог приступить к работе, так как обслуживающий персонал неусыпно следил за его каждым шагом.

Нужно было добиться, чтобы больничные сиделки не ходили за ним в клозет, и он добился. Его оставили в покое. Перепилив решотки, он бежал.

Все с восхищением слушали рассказы Камо из прошлого его подпольной работы.

Но он умел обращать внимание слушателей не только на стойкость и выдержанность при исполнении работы, но и на те ошибки, которые он совершал и которых можно было бы избежать. Касаясь вообще ошибок в партийной работе с непосредственно боевым уклоном, он всегда призывал к тщательнейшему продумыванию порученного дела и на примерах других партийцев показывал, как они, выполняя серьезные задачи, возложенные на них партией, часто из-за пустякового недосмотра губили не только себя, но и целую организацию. Камо любил в таких случаях приводить свою формулу: холодно семьдесят семь раз отмерь и горячо один раз отрежь.

ЭКЗАМЕН НА ХРАБРОСТЬ

4 сентября Камо, против обыкновения, зашел в комнату членов боевой группы утром. Он предупредил, чтобы боевики были готовы к одиннадцати часам утра, так как пришло срочное предписание ликвидировать отряд бандитов человек в тридцать—сорок, хорошо вооруженных, под командой одного из бывших полковников.

Были поданы два больших грузовых автомобиля, на которые погрузили винтовки, всевозможные револьверы, забитые наглухо ящики с патронами и тронулись в путь. Всего с Камо было девятнадцать человек, не считая шоферов.

По Петроградскому шоссе проехали километров тридцать, потом, свернув в сторону, прокатили еще километров пять и остановились у опушки леса. Шоферы остались у машин, а остальных Камо повел в глубь леса. Пройдя с километр, боевики расположились на большой и ровной площадке, вокруг которой тесной толпой стояли деревья. Камо объяснил план действий. Он выделил четыре группы дозорных по три человека в каждой и разослал их в разные стороны. Часа через два он отдал приказание о сборе всех на поляне. Дозорные сообщили, что все спокойно.

Разочарованно все ждали, что скажет Камо. Он нервничал и ругался, что ему дали неверные сведения, и жалел о напрасно потерянном времени. Остальные ему вторили. Его рассмешило сочув-

ственное ворчание молодых боевиков. Осмотрев револьвер, он крикнул:

— Ну, ребята, чего расплакались! Давайте учиться стрелять.

Он подошел к березе, отмерил тридцать шагов и без промаха на уровне двух метров от земли всадил девять пуль из маузера. Все охотно последовали его примеру, и вскоре поляна наполнилась сухой револьверной трескотней.

Были уже израсходованы все захваченные с автомобилей патроны, а Камо еще подзадоривал тех, у кого остались последние заряды. Наконец и они вышли. Трескотня прекратилась. Некоторые стали закуривать.

Разин терпеливо ожидал, пока стгорит серная головка зажженной спички, и, затянувшись табачным дымом, взглянул на товарища, стоявшего напротив. Лицо последнего, носившее отпечаток спокойствия и даже некоторой усталости, вдруг так изменилось, что Разин инстинктивно почувствовал большую опасность. Быстро обернувшись, он был ошеломлен тем, что увидел.

Впереди шел офицер с револьвером в вытянутой руке, в мышиного цвета шинели, с погонами и в форменной фуражке. За ним человек пять солдат с винтовками на изготовке.

— Руки вверх, красная сволочь! Ни с места!

Некоторые в ответ зацелкали револьверами без патронов. С противоположного конца поляны раздался выстрел, ему ответил второй; потом выстрелы

превратились в сплошную пальбу, продолжавшуюся с минуту.

Никто из боевой группы не упал. Стреляли вверх. Камо оставался спокойным. Остальные теснились к нему. Их окружили бандиты. Раздался окрик: — „Руки вверх, стервятник!“ Камо поднял. Все сделали то же. С грубейшими толчками и угрозами всем перевязали руки.

Восемь человек во главе с офицером, с винтовками наперевес, повели Камо куда-то через поляну. Остальные со скрученными назад руками ждали своей очереди.

Тяжелое настроение охватило всех. Вдруг недалеко за кустами раздался залп. Многие вздрогнули. Охрана злорадно загоготала.

С той стороны, куда увели Камо, показался офицер с обнаженным клинком. Когда он подошел ближе, можно было разглядеть незасохшую кровь на шашке, которой он играл, как тростью.

Офицер остановился перед пленниками, всматриваясь каждому в лицо с насмешливой полуулыбкой.

— Ну, кто следующий, иди за мной!

Ни один не шевельнулся.

— Пойдем! — и он слегка ткнул клинком стоявшего впереди.

Тот не двинулся, только глаза у него стали большими и неподвижными.

— Пойдем! — повторил офицер, повернувшись направо и тем самым приглашая жертву следовать

за собой. Они ушли: офицер—поблескивая золочеными вензелями на погонах, а молодой боевик—опустив голову. Оставшиеся напряженно ловили каждый звук из-за кустов, куда увели Камо и их товарища. Ждали не долго. Опять раздался залп, и опять все вздрогнуло. Солдаты, охранявшие пленных, больше не издевались над ними. Лица их сделались сосредоточенными, присмирившими. Вновь пришедший—рядовой—повел Разина. Разин время от времени видел штык винтовки, прислоняемый к его плечу, чтобы он держался нужного направления. Руки были крепко связаны.

Пришли на небольшую площадку, по краям заросшую мелким кустарником. Почти по середине площадки стояла береза и шагах в пятнадцати от нее—другое дерево, на одной из горизонтальных ветвей которого была устроена виселица. Недалеко от березы лежал неподвижно Камо с раскинутыми руками и с запекшейся кровью на лице. На груди и на шее виднелись куски мяса, как-будто тело его рвали клещами; разорванная рубашка была обильно смочена кровью; ноги были закрыты рогожей. До этого у Разина теплилась неопределенная надежда на какое-то избавление, но при виде истерзанного Камо его силы окончательно упали.

Разина подвели к сидящему на ящике офицеру. Обыскали. Отобранные документы передали офицеру; тот просмотрел их и, держа в руках партбилет, спросил:

— К какой организации принадлежишь?

Разин молчал.

— Что представляет собой ваш отряд? Какие ваши планы?

Разин продолжал молчать. Молчание его, видимо, взбесило офицера. Он встал с ящика, выпрямляя изогнувшуюся плеть из бычьих сухожилий.

— Будешь отвечать, сволочь?

Плеть наискось опоясала спину и концом ожгла правый бок. Офицер продолжал задавать вопросы. Разин одеревенелыми глазами смотрел на его погony и молчал. Офицер замахнулся плетью второй раз, но не ударил.

— К березе его, — сказал офицер.

Разина взяли под руки, но после первого шага он с вырвавшимся стоном остановился, как вкопанный, потому что малейшее движение вызывало адскую боль в спине.

— А, заговорил... К березе его!..

На секунду замешкавшиеся солдаты после офицерского окрика решительно привязали его к березе и отошли к своему командиру; он им что-то говорил, кивая головой в сторону дерева. Они, видимо, поняли его с нескольких слов, а другие, не дослушав до конца, поднимали с земли винтовки, демонстративно щелкали затворами и, недвусмысленно поглядывая в сторону Разина, заряжали их. Шагах в двенадцати солдаты построились в одну шеренгу. Подошел офицер.

— Будешь отвечать?

От прикосновения спины к дереву боевик испытывал страшную боль. И поэтому старался налегать всей грудью на веревки, которыми был привязан. Офицеру показалось, что он хочет ему что-то сказать. Он нагнулся к Разину, но тот молчал.

Тогда он подал команду:

— Приготовьсь!

Шеренга, выравниваясь, зашевелилась.

— На прицел!

Отпрянув назад, Разин сильно прижался к дереву, боль от этого была невыносимая, но безучастные, тусклые колечки винтовочных дул были еще страшнее. Постепенно сознание начало оставлять его; как сквозь сон он услышал команду — „отставить!“

Придя в себя, Разин услышал дикие вопли о пощаде. Он лежал ничком, уткнувшись лицом в траву. Приподнявшись на локте, он увидел офицера, просматривавшего какие-то бумажки. Один из боевой группы стоял перед ним и, сдерживаемый солдатами, порывался подойти к офицеру.

— Господин офицер,—говорил он, почти плача.— Я тоже офицер, не расстреливайте меня, я свой. Ради бога... Я докажу... развяжите руки...

Ему развязали руки. Он, дрожа всем телом, начал распарывать голенище сапога. Офицер, прочитав извлеченную из голенища бумагу, строго бросил:

— Свяжите его, с ним потом.

К этому боевику, расплакавшемуся таким позорным образом, подошли два солдата; у одного из них была веревка. Он гордо поднял голову и визгливо закричал, отталкивая солдата с веревкой.

— Это подло, вы не имеете права... Я командирован польским штабом...

— Бери, бери его! — зарычал офицер.

Его увели. Офицер подошел к Разину. Тот опустил голову на руки и закрыл глаза.

— Живой? — спросил он, толкнув лежавшего в бок сапогом. Разин вздрогнул.

— Ага, живой, — продолжал он. — Ну-ка, ребята, на виселицу его! Пусть на ней покачается, а то ему здесь скучно.

Разина подняли — он еле стоял на ногах, подвели к дереву, на котором висела веревка, и начали поднимать на ящик. Тут он опять потерял сознание.

Когда он пришел в себя, его целовали попеременно то офицер, то Камо; ничего не соображая, он таращил глаза. Камо успокаивал его, говорил, что это было испытание, что офицер — это Атарбеков, что ему бояться нечего, все прошло.

Разин мало-по-малу начал понимать, в чем дело.

Камо снова лег на прежнее место. Один из „солдат“ вынул из ящика кошку, пригвоздил ее штыком к земле, а другой разрубил ее шашкой и, вынув окровавленные внутренности, положил их на шею и на грудь лежавшему Камо.

Из леса привели следующего. Атарбеков, приняв суровый вид, начал его допрашивать. Допрашивает-

мый бросился Атарбекову в ноги и, целуя сапоги, обещал рассказать все, что знает, лишь бы его пощадили.

— Давайте следующего, этот слишком слаб.

Привели следующего из группы, который, едва увидев Атарбекова, источно заголосил:

— Товарищ... господин офицер! Простите меня! Пощадите! Я у них работал за деньги... У меня нет никаких убеждений... я жить хочу... что хотите, только оставьте в живых... я...

— Довольно! — прервал его Атарбеков, оттолкнув ногой. — Чем докажешь?

— Чем хотите, — ползал в ногах испытуемый. — Прикажете, все сделаю...

Атарбеков, подумав немного, бросил:

— Товарища своего расстреляешь?

— С радостью... для вас...

Он не находил слов, и бледное лицо его искривилось в жалкую улыбку.

— Его знаешь? — указал Атарбеков на одного, уже прошедшего испытание.

— Да, с детства.

— Так вот, — породолжал Атарбеков, заряжая винтовку. — Будешь стрелять в него.

Отдав винтовку испытуемому, Атарбеков в пяти шагах от него поставил предназначенного к расстрелу.

— Приготовься! — скомандовал Атарбеков.

— Миша, опомнись! — взмолился расстреливаемый.

— На прицел! — продолжал Атарбеков.

Испытуемый страшно торопился; руки его дрожали. Не успел еще Атарбеков сказать „пли“, как он уже спустил курок. Хлопнул только пистон, выстрела не последовало; обернувшись он попросил другой патрон. Камо, вскочив с земли, дико вращая глазами, бросился на стрелявшего.

— Застрелю, предатель!

Его схватили несколько человек, не давая вынуть из кобуры револьвер.

Молча ехали назад в Москву. Из восемнадцати человек безукоризненно выдержали испытание¹ девять. Один был расстрелян (шпион из польского штаба). Другого Атарбеков взял в ВЧК. Остальные семь были отосланы назад как неспособные работать в боевой группе.

---

¹ В. И. Ленин, узнав об этом испытании, сделал строжайший выговор Камо и Атарбекову. Он считал недопустимым подобные испытания.

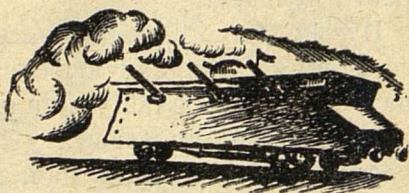

ГЛАВА II

МОСКВА —

КУРСК

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

После двухдневного отдыха присоединили еще восемь человек, раньше прошедших такое же испытание. Отряд состоял теперь из семнадцати человек. Камо спешно готовился к отъезду на фронт против Деникина.

Сборы были недолгие. Утром выдали кожаное обмундирование, а вечером боевики были уже на Курском вокзале. Еще в Третьем доме советов Камо присоединил к боевой группе около двадцати коммунистов, большинство которых были кавказцы.

На вокзале Камо хлопотал насчет вагона, и все время бегал то к начальнику станции, то на запасные пути. Наконец дело было улажено, и отряд поместился в вагоне третьего класса. Его прицепили к поезду на Орел. Через полчаса скаты вагонов на стыках рельсов монотонно тарахтели, прощаясь с Москвой.

В Орле отряду было выдано оружие, патроны и все необходимое для военных действий. Кроме

того, в распоряжение Камо прислали еще полтора человека.

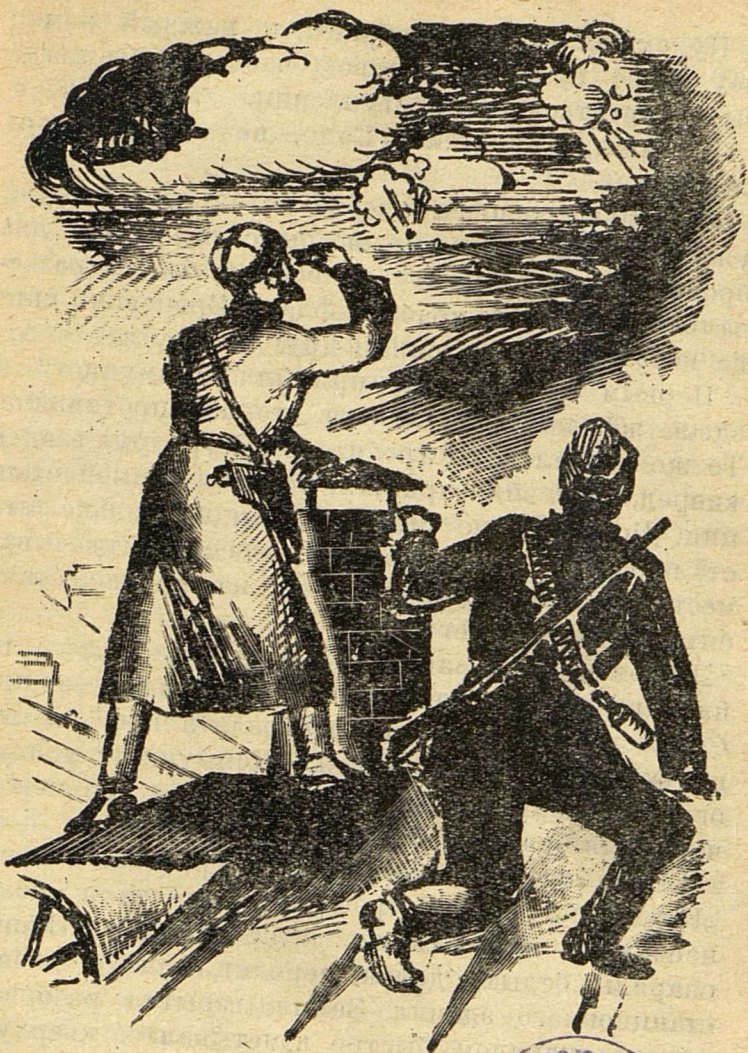
Нужно было организовать уже целый эшелон со всякими принадлежностями. У Камо был мандат, имевший большую силу. С ним очень считались начальники боевых участков и ему беспрекословно подчинялись начальники станций. Камо удалось в два дня организовать эшелон с походной кухней и собственными запасами провизии. Сандро, член боевой группы, помощник Камо, нашел на вокзале двух сестер милосердия и уговорил их поехать на фронт. Таким образом, эшелон был в полной боевой готовности, начиная с медицинской помощи и кончая штабом, начальником которого был Володя Хотулашвили.

По прибытии в Курск, откуда начиналась полоса фронта, отряд Камо получил задание от начальника боевого участка.

На другой день Камо двинул эшелон на первую от Курска станцию, еще не занятую деникинцами. Отряд выгрузился, оставив у себя около десятка пулеметов, винтовки и ручные гранаты. Состав пустых вагонов отослали назад в Курск. На этой станции боевики должны были играть роль заставы. Где-то недалеко, километрах в пяти, слышалась глухая орудийная пальба. Камо с крыши станционного здания смотрел через бинокль в сторону боя. Через несколько времени он крикнул:

— Броневики, разбирайте пулеметы!

Пулеметы были разобраны, и каждый номер поудобнее прилаживал свою часть, чтобы легче было двигаться при отступлении.

— Наши, — закричал Камо, не отрываясь от бинокля.

Несколько человек влезло на крышу, откуда уже простым глазом можно было различить два броневика. На вышках их боевых башен развевались небольшие красные флаги. Броневики шли на небольшом расстоянии друг от друга.

Первым на станцию прибыл „Коммунист“ и здесь же дал ход назад в сторону противника. То же сделал и „Истребитель“. Курсируя взад и вперед, броневики приняли бой близ самой станции. Но врага не было еще видно, только дым от паровоза над небольшим леском указывал место противника. Равномерно, не торопясь стали бить по нем броневики.

Наконец броневик белых вышел из-за леса по направлению к станции. „Истребитель“, стоявший ближе к противнику, стал стрелять чаще. Белые, не отвечая, приближались. „Коммунист“ усилил огонь и двинулся вперед. Завязался бой между четырьмя броневиками.

Белые сразу открыли почти ураганный огонь. „Коммунист“ и „Истребитель“ отвечали реже, неизменно приближаясь к противнику. Иногда снаряды белых, делая перелет, падали вблизи станционного здания. Земля, взрытая разорвавшимся снарядом, быстро взметывалась кверху и

ленивыми брызгами падала вниз. Обе стороны довели свой огонь до максимальной силы. Так продолжалось минуты две. Потом белые стали отходить, уменьшая силу ответного огня.

Но в это время с их стороны орудие ухнуло с такой силой, что на секунду этот выстрел заглушил канонаду четырех броневиков. Камо с тревогой оглянулся на Сандро. Кто-то предположил, что начали работать морские двенадцатидюймовки, поставленные белыми на бронированные пульмановские платформы.

Бой продолжался с неослабевающей силой. „Коммунист“ и „Истребитель“ не уступали занятой железнодорожной выемки. Трехдюймовки хлестко и часто гремели; шестидюймовые орудия чуть протяжно басовито рывкали, облизываясь языками рыжего пламени, и двенадцатидюймовые орудия белых, как бы аккомпанируя этому огневому оркестру, ухали, сотрясая землю.

Но слишком неравны были силы. „Коммунист“ первый с поврежденным тендером отступил. За ним двинулся к станции „Истребитель“. Белые, стараясь отрезать путь к отступлению, перенесли свой огонь за броневик, на железнодорожное полотно. Снаряды рвались около насыпи, свалили один телеграфный столб, повредили семафор, но линия осталась в целости.

Камо приказал своему отряду отступать. Стало слишком очевидным, что больше нечего делать на этой станции.

До самого Курска вдоль полотна тянулись заросли кустарника. Не успел отряд отойти и полутора километров от станции, как мимо прошел „Коммунист“ и через минуту за ним „Истребитель“. Люди почти побежали вслед за броневиками, ожидая каждую минуту увидеть наступающих белых.

Среди кустарников идти быстро было невозможно, и Камо решил выйти на полотно дороги, оставив аррьергард в несколько человек, которые обязаны были выстрелами предупредить отступавших, если появится броневик белых. До Курска оставалось километра три, когда отряд встретил идущего навстречу „Истребителя“, а в двухстах метрах от него тяжело хрустели шпалы под большим бронепоездом „Карл Маркс“.

Связь принесла Камо распоряжение начальника боевого участка взорвать железнодорожный мост на четвертом километре. Этот мост был уже пройден и для взрыва нужно было возвратиться назад. Камо выделил четырех добровольцев-подрывников (трое из них были членами боевой группы), и, захватив с собой динамитные шашки, они двинулись в обратный путь.

Броневики остановились, ожидая появления противника, а Камо со своим отрядом пошел к Курску. Через некоторое время кто-то в отряде заметил клубы белого дыма у железнодорожного моста. Камо посмотрел в указанную сторону и выругался:

— Ах, сволочь, успел!

— Кто успел? — переспросил кто-то.

— Конечно, белый броневи́к, — с чуть заметной досадой ответил Камо.

Действительно, броневи́к их стоял у самого моста. Дым от „Истребителя“ и „Карла Маркса“ виднелся чуть правее. Не успел отряд дойти до семафора, как где-то далеко затарахтел пулемет, рассыпая четкие глуховатые выстрелы.

— Ну, теперь понимаешь, — обратился Камо к собеседнику, — наших подрывников заметили белые и встречают их пулеметом.

КУРСК ОТ ДАН БЕЛЫМ

Эшелон стоял на пассажирской станции. Люди погрузились в вагоны и ожидали дальнейших распоряжений.

Никто не знал, что будет дальше, будут ли они держать бой или сдадут Курск. Одни говорили, что скоро придет помощь из Орла, другие — что надо отступать. Неразбериха была полная. На станции стояли „Истребитель“, „Карл Маркс“ и „Коммунист“, кроме них еще два-три эшелона, в том числе и отряд Камо.

Перед вечером разведка принесла сведения, что броневи́к белых стоит у моста на четвертом километре и, повидимому, ни к каким активным действиям не готовится.

Паровозы у каждого эшелона были в исправности и могли в любой момент двинуться в сто-

рону Орла. Все не особенно торопились предпринимать что-либо, потому что силы противника были еще далеко от Курска. Броневи́к, стоявший у моста, не впускал никаких опасений, так как за семафором линия была разобрана.

Наступила ночь. Никто не ложился спать. В каждом эшелоне шли тревожные совещания и все чаще и чаще раздавались голоса за немедленное отступление. Неопределенность положения стала томительной.

Часов в десять к вагону эшелона Камо подошли трое людей и попросили принять от них большую, завернутую в шинель ношу. Несколько человек из теплушки спрыгнули на землю. Оказалось, что это вернулись подрывники. Когда они влезли в вагон, со всех сторон посыпались вопросы:

— Ну как, удалось? Взорвали?

Но боевики были настолько утомлены, что сказали только „спать“ и завалились на нары.

— Ребята, ведь Камо, кажется, четверых послал? — спросил кто-то.

— Ну что же, четверо и вернулись, — отозвался другой конец вагона.

Четвертый убитым был принесен в шинели.

Отряд Камо решил с наступлением рассвета выехать из Курска, для чего члены боевой группы Разин, Казаринов и Донской обследовали все стрелки, ведущие на выходной путь. Камо и Сандро Махарадзе куда-то исчезли. Эшелон не

поддерживал связи ни с броневиками ни с другими эшелонами, оказавшись предоставленным самому себе. На станции все было спокойно, если не считать вспыхивавшей по временам провокационной стрельбы около вокзала, на которую никто не обращал внимания.

Около двенадцати часов ночи (с 20-го на 21 сентября) грянул первый орудийный выстрел с броневика белых. Снаряд попал не то в бензинный, не то в керосинный бак, стоявший близ депо. Последовал оглушительный взрыв, и громадный фонтан пламени метнулся к небу, заливая все поблизости. Поднялась невообразимая паника. На станции стоял состав с ранеными. Очередной снаряд ударил в этот состав. Больные красноармейцы в белье, кто на костылях, выбравшись из вагонов, бестолково метались по перрону.

А из ночной тьмы четко, в упор ухали вражеские снаряды. После минутного обстрела по вокзалу их огонь перешел на застигнутые врасплох броневики „Коммунист“ и „Истребитель“. Они начали отвечать, но безуспешно, так как местонахождение врага было неизвестно. Белые, наоборот, были хорошо осведомлены о месте стоянки броневиков, о чем говорил их меткий огонь.

„Истребитель“, отстреливаясь, двинулся к выходному пути, но на первой же стрелке сошел с рельсов, преградив путь остальным.

Очевидным стало для всех, что Курск отдан белым.

Деморализация среди воинских частей была полная. В животном страхе метались люди. Машинисты убегали со своих паровозов, вполне готовых к отправлению; целые поезда стояли в бездействии, потому что их некому было вести. Машинист, который должен был вести эшелон Камо, тоже сбежал, и вместо него стал Николай Донской, член боевой группы. Состав тронулся. Разин с Казариновым переводили стрелки и, благополучно миновав последнюю, оставили за собой накренившегося набок „Истребителя“, не дошедшего до выходного пути ста метров.

Поезд пошел быстро. Вдоль двухколейного полотна железной дороги тянулся темными лентами молодой ельник. На паровозе, возле Николая Донского, исполняющего обязанности машиниста, стояли Разин и Казаринов. Необходимо было достать настоящего машиниста. Никому из них не был знаком профиль пути, а двигаться надо было возможно быстрее, и они подвергались риску где-нибудь на повороте свалиться под откос.

На первой же остановке Донской вышел для переговоров с начальником станции о дальнейшем продвижении и вернулся назад с каким-то случайным машинистом. Энергично приглашаемый наганом Донского, он протестовал, бормотал о нахальстве, но все-таки взлез на паровоз.

Поезд благополучно дошел до третьей станции. Машинист в соседстве с револьверами работал

исправно. На станции к паровозу подошли Камо и Сандро¹. Узнав свой эшелон, Камо немало был озадачен.

— Откуда вы?

— С фронта, товарищ Камо.

— Это разве фронт? Он в тебя стреляет, а ты его не видишь. Разве я такую работу просил для своей группы?

Станция была большая; здесь получили надежного машиниста и ожидали только, когда паровоз наберет воды, чтобы двинуться дальше.

Камо, собрав боевиков, сообщил, что он едет в Москву, а вместо себя оставляет Сандро. Из Москвы группа в составе семнадцати человек получит отзыв.

Заканчивая разговор, он выразил свое органическое отвращение к приемам борьбы на фронте.

Члены боевой группы впервые только заметили у него эту черту, и она на первых порах показалась им странной. Но, разобравшись, они его поняли. Человек, работавший двадцать с лишним лет конспиратором-боевиком, человек, привыкший иметь дело с врагом с глазу на глаз, — такой человек органически не мог помириться с обстановкой фронта. Эта стихия была ему чужда. Камо болезненно остро чувствовал свою ничем-

---

¹ Исчезновение Камо и Сандро объяснилось впоследствии тем, что они, будучи приглашены в город на военное совещание, еле выбрались оттуда на грузовом автомобиле и, думая, что Курский вокзал занят противником, прибыли по шоссе.

ность на фронте и уехал в Москву, надеясь получить работу, которой он мог бы с большей пользой для общего дела отдаться целиком. Половинчатость была не по нем.

НЕОЖИДАННЫЕ ТРОФИИ

В Орле отряд, под командой Сандро Махарадзе, получил приказание выехать на передовую линию фронта, в распоряжение начальника боевого участка тов. Дементьева, от которого Сандро получил задание выступить на линию фронта, предварительно связавшись с отрядами, действующими вне полосы железной дороги.

Боевики отъехали километров семь от полотна железной дороги, а затем двинулись параллельно ей, в лоб фронту белых, надеясь каждую минуту встретиться с каким-нибудь из красных отрядов.

Шли весь день, решили не останавливаться и ночью. Половину следующего дня провели в пути, но ни на одном из указанных на карте пунктов группа не встречала своих. Стали беспокоиться, что Сандро слишком далеко зашел. Решено было повернуть назад и зайти в Малоархангельск, где отряд мог бы пополнить и продовольственные запасы и фураж.

Было часа четыре пополудни. В разъезде ехало восемь человек. Место было довольно ровное; впереди виднелся лесок, чуть тронутый красками ранней осени. Трое из разъезда отделились, пошли на-рысях к лесу и вскоре скрылись. Один из

них, вернувшись к опушке; призывно замахал рукой. Оставшиеся прищипорили лошадей.

Лесок был меньше, чем предполагали в разъезде. Это была просто длинная узкая полоса деревьев, окаймлявшая крутой спуск. Конные остановились над обрывом. Внизу, вдоль лощины, цепляясь за редкие деревья, пролегалла кривая топкая дорога, и по ней осторожно, обходя вязкие места, двигалась группа в тринадцать всадников и шесть вьючных лошадей. Расстояние было не особенно большое, и начальник разъезда закричал:

— Кто вы?

Всадники остановились.

— Кто вы-ы?—еще громче крикнул начальник.

— А вы-ы кто? — донеслось из лощины.

— Свой-и, — продолжал начальник разъезда.

— Мы тоже свой-и.

— Ну, тронулись, ребята. Помните, что мы белые.

— А если это красные? — усомнился кто-то.

— Это было бы очень хорошо, — ответил начальник.

Одного отослали обратно на дорогу, а остальные семь человек спустились в лощину. Раздался выстрел, словно бичом хлестнувший воздух.

— Теперь на выстрел наши уже летят, — сказал начальник. — Ребята, я один подъеду к ним и начну проверять документы, а вы с винтовками наизготове остановитесь шагах в десяти... А там и наши подоспеют... Ну, спаси, господи, люди твоя, — засмеялся начальник и, как-то передернувшись в седле, принял вид бесшабашного ухаря.

Он приблизился к незнакомым всадникам.

— Здравствуйте, господа, с кем имею честь разговаривать? — громко и уверенно спросил начальник, приложив руку к козырьку.

Сразу просветлели лица всадников, которые стали подавать ему бумажки. Начальник, читая их, часто хватался за кобур, словно тот страшно неудобно висел и он его хотел поправить. Отдавая каждую бумажку, он почтительно „козырял“. Разъезд с таким вниманием наблюдал за действиями начальника, что не заметил спускающихся в лощину кавалеристов из своего отряда во главе с Сандро.

Всадники забеспокоились. Начальник оглянулся, и на его лице засияло неподдельное торжество. Он уже не козырял больше.

Красные подъехали вплотную. Начальник разъезда отдал Сандро Махарадзе сногшибательный рапорт:

— Во время исполнения служебных обязанностей мною была задержана группа в 13 человек и шесть вьючных лошадей, направляющаяся, по их словам, в распоряжение одного из штабов белой армии. Состав людей таков: бывший начальник Курского боевого участка Красной армии, полковник Терехин, комендант города Курска, штабс-капитан Дернин, начальник снабжения курского боевого участка Красной армии, поручик...

— Довольно, довольно, — перебил его Сандро, — это все „знакомые“ люди. Едем дальше, на привале разберем, что к чему.

Сандро, собрав членов боевой группы и комсостав отряда, поставил вопрос о задержанных разъездом. Он настаивал на передаче их в распоряжение более крупной боевой единицы. Но другие командиры возражали. Они указывали, что неизвестно, сколько времени придется блуждать до встречи со своими, а таскать с собой всюду белобандитов слишком трудно.

В походной обстановке изолировать совещание комсостава от остальной массы отряда невозможно. Все они стояли вокруг заседавших, не проронив ни слова. Но по их лицам легко было прочесть приговор белобандитам.

Решение было принято, и отряд двинулся дальше, оставив у себя в качестве трофеев — лошадей, вьюки с золотой, серебряной посудой и другими ценными вещами.

ПОД ВИДОМ БЕЛЫХ

Перед вечером подходили к Малоархангельску. Посланная разведка вернулась с донесением, что в городе безвластие: нет ни красных ни белых. Население ожидает белых, так как по железной дороге деникинцы продвинулись на двадцать верст вперед, в сторону Орла. Таким образом, отряд оказался в глубоком тылу у противника. Еще в Орле, перед расставанием, Камо посоветовал им на всякий случай захватить с собой погоны, которые теперьгодились отряду как нельзя больше кстати.

В Малоархангельск вошли стройными рядами под видом белых. Впереди двигались кавалеристы в числе 60 человек, за кавалеристами — пехота (70 штыков), а остальные 55 человек ехали на шести тачанках и двух подводах с тринадцатью пулеметами. Группа бывших офицеров и чиновников, во главе с попом, встретила отряд как своих избавителей. Отвели под квартиры здание почтового отделения; натащили яиц, масла, сала и других припасов целую гору. Володя Хотулашвили вывесил объявление о записи добровольцев. Одним словом, дело шло хорошо, и никто из городских жителей ни о чем не догадывался.

Уже совсем стемнело, когда прискакал всадник, исполнявший роль связи; он сообщил, что на их заставу из одного пулемета, двух номеров при нем и трех пехотинцев для прикрытия, в шести километрах от города наткнулась разведка белых. Высланные на помощь товарищи узнали следующие подробности.

Начало смеркаться, когда появилась движущаяся по направлению к Малоархангельску разведка белых. Иван Иванович (кличка Анны Новиковой) открыла пулеметный огонь по разведке, которая стала отвечать; завязалась перестрелка. Три человека, прикрывавшие пулемет, бежали. У пулемета остались: первым номером Иван Иванович и вторым Бугай. Во время перестрелки Бугай был ранен в плечо и в бок, но не переставал подавать ленты. Когда он вкладывал четвертую ленту, пуля попала ему в переносицу. У пулемета осталась одна Иван Иванович. С двумя легкими ранами в голову, она все-таки не бросила пулемета, и только когда через пробитый кожух вышла вся вода, охлаждавшая ствол, она побежала по дороге, где ее и нашли в бессознательном состоянии.

Несмотря на эту стычку, отряд все-таки заночевал в Малоархангельске, выставив за три километра заставу в два пулемета и десять штыков. Ночь прошла спокойно. Очевидно, белые не придали особого значения этой перестрелке. Утром отряд тронулся в путь, пополнив свой обоз четырьмя

тачанками и тремя подводами. Несколько пехотинцев, достав лошадей, превратились в кавалеристов.

В село Александровское, находившееся в восьми километрах от Малоархангельска, прибыли благополучно. Сделали привал. Александровское лежало на возвышенности, и дорога в село была как на ладони. Приблизительно через час в бинокли была обнаружена движущаяся по дороге масса. Через четверть часа можно было установить, что шел пехотный полк, а еще минут через десять ясно стало, что двигались белые. Сандро торопил отряд уходить из села. Но остальной комсостав был против отступления, доказывая, что при такой выгодной местности и тринадцати пулеметах можно было бы опрокинуть два полка. Отряд единодушно был за бой, и Сандро согласился с доводами командиров.

За околицей, близ ветряной мельницы, по обеим сторонам дороги замаскировали пулеметы и стали дожидаться белых. Потом узнали, что это был Алексеевский полк.

Не было видно ни разъезда ни разведки, полк двигался в колоннах повзводно, не подозревая о готовящейся засаде, так как Александровское находилось в полосе тыла.

Сандро пригрозил, что если кто-нибудь без его команды начнет стрелять, то немедленно получит пулю в спину.

Первые номера замерли у пулеметов. Голова колонны приближалась. Уже невооруженным гла-

зом отчетливо видны были всадники, спокойно разговаривающие между собой, а Сандро все еще не подавал команды. Некоторых бросило в озноб; руки нервно дрожали на спусковых рычагах.

— Ого-о-нь!..—вдруг неистово закричал Сандро, выбегая на середину дороги.

Секунда—и таканье отдельных пулеметов потонуло в протяжном гуле. Люди, лошади, целые шеренги неслышно падали снопами. Задние ряды по инерции давили на передние. Передние падали под огнем, не успев опомниться.

— Вперед!..—опьяненным голосом заревел Сандро.

Пулеметы выкатили на ровную дорогу, почти к самым трупам убитых, и стали расстреливать в упор потерявших голову белых. Минут в тридцать три четверти полка было уничтожено и оставшиеся, главным образом, хвост колонны и артиллерия, в совершеннейшем беспорядке отступили к Малоархангельску.

Характерно, что со стороны белых не было сделано ни одного выстрела—так велико было их замешательство. И только когда отряд собрался отступить, его начала нащупывать опомнившаяся артиллерия противника. Часа через два там и сям стала показываться кавалерия белых, пытающаяся ехать с флангов и отрезать путь. Но пулеметы держали их на почтительном расстоянии.

Восемнадцать часов противник безуспешно преследовал отряд. И только утром следующего дня отступавших оставили в покое. К полудню, голодные и усталые, с изморенными лошадьми, но в полном составе боевики прибыли на станцию Сорочьи Кусты. Тов. Дементьев, начальник боевого участка, узнав о стычке с Алексеевским полком, поздравил отряд с успехом и обещал исходатайствовать награду за боевое отличие. В заключение он прочитал телеграмму, перехваченную у белых, следующего содержания: „В селе Александровском встречено активное сопротивление противника точка Алексеевский полк разбит на-голову точка Нужна немедленная помощь точка“.

М Е Т А Н И Е   Б О М Б

В Сорочьих Кустах отряд был недолго. Деникинцы бешено наступали, и красные по всему фронту отходили к Орлу. В Орле отряд Сандро Махарадзе встретил Камо, приехавшего из Москвы. В силу предписания, которое имелось у него, боевая группа в полном составе (семнадцать человек) отзывалась назад, в Москву.

В Москву боевики прибыли 3 октября и устроились опять в Третьем доме советов. Камо достал огромное количество динамита, пригласил инженера-химика, и под его руководством молодые боевики учились начинять бомбы от двух до шестнадцати фунтов.

Через неделю вся премудрость была понята, и каждый из боевиков великолепно обращался с гремучей ртутью в тонких стеклянных трубочках — это было самое опасное в изготовлении бомб македонского типа. Оставалось научиться бросать бомбы разного веса на различные расстояния. Камо выхлопотал в коммунальном хозяйстве несколько загородных старых домов и бань. На этих зданиях боевики учились угадывать, какой силы нужна бомба, чтобы разрушить ту или иную постройку.

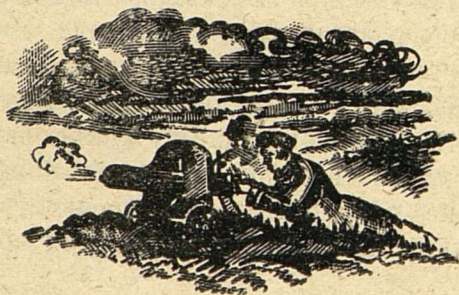
Метание бомб оказалось не легким делом. Прежде чем ее бросить, нужно было детально ознакомиться с материалом здания; нужно было приблизительно знать план его, чтобы бомба имела наибольшие разрушительные последствия. Под руководством Камо, после нескольких поездок за

город, члены боевой группы научились так же хорошо бросать бомбы, как и готовить их.

17 октября Камо назначил генеральную репетицию, на которой он проверил и ловкость в бросании, и верность глаза, и сообразительность, заключающуюся в безошибочности выбора бомбы нужной силы для взрыва построек разного типа.

В этот день, перед вечером, Камо советовался с боевой группой о приобретении грима, костюмов, париков и вообще всего необходимого для того, чтобы появиться в „приличном“ виде в городах, занятых белыми. Был составлен подробный список вещей, и 18 октября боевики разъезжали с ордерами по магазинам. Чего-чего только не нагрузили на автомобиль: костюмы, лаковые ботинки, шляпы, котелки, кепи, манишки, галстуки, запонки, трости, духи и все необходимое для грима.

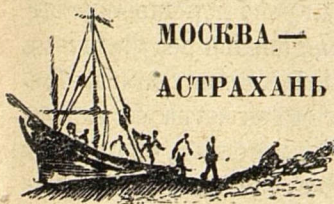
В Третьем доме советов Камо внимательно пересмотрел еще раз все привезенные вещи и обнаружил „громадный“ промах—не было ни одной пары очков. Через два часа полная шкатулка очков и пенсне с разноцветными стеклами дополнила реквизит.

ГЛАВА III

МОСКВА —
АСТРАХАНЬ

ВЫБЫЛ ИЗ СТРОЯ

К отъезду в тыл Деникина все было готово. Первоначально Камо предполагал пробраться прямо через фронт, но этот путь был отложен ввиду того, что с боевиками было очень много багажа. Эти причины заставили Камо выбрать маршрут Москва — Астрахань — Баку.

20 октября, перед самым отправлением поезда, в вагон к боевой группе были погружены три корзины с деньгами, золотом, брильянтами и другими ценностями для Кавказского краевого комитета партии. Боевая группа выехала в Астрахань в количестве семнадцати человек, среди них были три женщины.

Без особых происшествий 28 октября боевики прибыли в Астрахань. Там их встретил тов. Киров, бывший в то время председателем Реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта. Он пожелал познакомиться с боеспособностью группы. 29 октября, разместившись на четырех легковых автомо-

биях, боевики вместе с тов. Кировым отправились за город. Демонстрация боеспособности группы произвела на тов. Кирова хорошее впечатление. Особенно он остался доволен результатами бросания бомб на разные расстояния: бомба, брошенная на тридцать шагов, силой ветра от взрыва сносила головные уборы, и та же бомба, брошенная на пять шагов, не причиняла вреда для бросающего.

В Астрахани боевой группе нужно было возможно быстрее приготовить все необходимое для исключительно трудного путешествия морем в Баку.

Была подыскана крепкая однопалубная рыбацкая лодка. В нее погрузили предназначавшееся для бакинских рабочих оружие. Недели через полторы лодка была окончательно снаряжена к плаванию. Но тут встал самый трудный вопрос — о подборе мужественного и преданного советской власти экипажа. Он осложнялся еще тем, что среди моряков, хорошо знающих свое дело, почти не было партийных, и Камо пришлось набирать в экипаж беспартийных матросов. Он не только не скрывал опасностей путешествия, но даже их сгущал, указывая и на дальность расстояния от Астрахани до Баку, и на возможную встречу с деникинскими пароходами, и на то, что подобная встреча им грозит неминуемой смертью как советским морякам.

В группе боялись, что Камо разгонит всех желающих ехать, рассказывая такие ужасы.

Но опасения боевиков были напрасны: желающих матросов было даже больше, чем нужно, и Камо имел возможность большого выбора.

17 ноября лодка стояла на рейде, готовая к отплытию. Вечером дожидались попутного ветра, чтобы сняться с якоря. Но непредвиденное происшествие задержало боевую группу на два часа.

Перед сумерками Разин причалил на баркасе, доставившем им провиант и пресную воду. Матросы, под руководством Камо, прекрасно справлялись с переноской провианта в трюм лодки без помощи боевиков.

От целого дня беготни по наркомпродовским складам Астрахани Разин очень устал. В трюме, средняя часть которого была застлана досками, в виде нар, находились постели. Разин прилег отдохнуть, но лежавший под подушкой австрийский маузер снизу давил ему на висок; он захотел его переложить. Но едва он протянул руку с револьвером к рядом стоявшему чемодану, как револьвер неожиданно выстрелил. Новиков с побледневшим лицом вскочил с постели, держась за левую руку выше локтя; через пальцы правой руки сочилась кровь. Лежавший рядом с Разиным Щетинщиков корчился от боли, ухватившись за живот. С палубы на выстрел прибежал Камо. Новикову сделали перевязку и оставили на лодке, так как пуля только слегка задела мякоть немного выше локтя, а Щетинщикова, которому пуля пробила полость живота, передали в бес-

сознательном [состоянии на отходивший к пристани баркас.

Этот нечаянный выстрел, так глупо выведший из строя боевой группы одного товарища, подействовал на всех удручающе. Камо ни слова не сказал Разину о его неосторожности, зная, что Щетинщиков был его близким другом.

Всему виной оказался Новиков. Во время отсутствия Разина он взял посмотреть его маузер и, положив под подушку, забыл оставить на предохранителе. Ничего не подозревая, Разин при перекладывании револьвера чуть задел за собачку курка — этого было достаточно, чтобы произошло несчастье.

„ПОГИБНУТЬ ВСЕГДА УСПЕЕМ“

Вечером лодка, выпятив полотняную грудь, уверенно скользнула в открытое море по розовато-лиловым волнам. Всю ночь и день ее гнал хороший попутный ветер.

Так прошли сутки.

Боевики должны прибыть в Баку, оттуда — в тыл Деникину для выполнения ряда поручений ЦК партии. Доберутся ли они благополучно до Баку, когда все Каспийское море находится под владычеством Деникина? Мало ли что может случиться в открытом море на простой рыбацкой лодке. И чувствовалось, что молодым боевикам, впервые пустившимся на опасное дело, не хватало уверенности в своих силах.

Камо же представлял в этом вопросе резкий контраст. Он вел себя так, как будто плыл на удобном пассажирском пароходе по заранее составленному расписанию. Перед вечером он собрал всю группу в трюме и начал беседу.

— Думал ли кто-нибудь из вас, что мы будем делать, если нам повстречается деникинское судно?

Об этом боевики, находясь в открытом море, думали не раз. И когда тов. Абол ответил, что живым сдаваться не намерен, он своим заявлением выразил мнение остальных членов группы. Все думали так, и различие составляли лишь способы сопротивления.

Камо, сидя на ящике с консервами, только улыбался, слушая горячие и быстрые решения. Оглядев всех, он еще раз предложил хорошенько подумать над этим вопросом. Но никто не видел другого выхода. Ведь одного удачного снаряда трехдюймовки с какого-нибудь дрянненького судна вполне достаточно, чтобы от группы осталось одно лишь воспоминание. Что тут можно придумать?

— Погибнуть всегда успеем, — замечал Камо, когда предложения взорваться повторялись. — О нашей гибели пусть думают наши враги, — отчеканил он. — А мы будем думать о том, как не погибнуть и с честью выполнить задачу, доверенную нам партией. Прежде всего нельзя забы-

вать, что мы—самое обыкновенное рыбацкое судно. Меряться силами в открытую мы не можем, и показывать храбрость тоже незачем. Конечно, будем стараться не встречаться, — продолжал Камо, делая ударение на словах „не встречаться“.—Но если встретимся... Что же, пусть... Скажут остановиться — остановимся; станут проверять — пусть проверяют...

„Как же так,—думали боевики,—неужели Камо хочет отдаться врагу без боя? Ведь проверка содержимого лодки означает конец“.

Но Камо, читая по лицам эти недоуменные вопросы, продолжал, усиленно жестикулируя и повышая голос.

— Ну, возьмем один из самых вероятных случаев. К нам подъезжают с военного судна на шлюпке, а в ней, кроме матросов, безусловно будут и офицеры. Вот их-то нам и надо... — И не договорив, он окинул слушателей взглядом более понятным, чем его слова.

Конечно, дальше становилось ясно каждому: у них в руках заложники, и пусть их попробуют расстрелять вместе с вражеским комсоставом.

Конечно, не посмеют. И тогда боевики смогут продиктовать свои условия: ведь им больше нечего терять.

Выражение лица² Камо говорило, что он еще не кончил свою мысль. Одобрительные замечания смолкли, и Камо продолжал. Он играл с ними

как с детьми. Когда боевикам казалось, что все так просто и ясно, Камо вдруг ошарашивал их неожиданным вопросом:

— А если они будут нас гнать под дулом орудия, не сходя с судна, тогда что?

Опять боевики начинают напряженно думать, теряются в зарослях догадок и в конце-концов вопрошающе смотрят на Камо.

— Тогда мы становимся „больными“, — и Камо лукаво прищурился, — у нас ломается мачта и мы не можем плыть. Берите на буксир, — закричим мы тогда. Понятно? Судно подойдет ближе. У нас есть бомбы, винтовки, револьверы, и этого будет достаточно, чтобы потопить любую деникинскую калошу, которые громко именуются военными судами только потому, что у них на палубах находится пара-другая трехдюймовок и полдюжину пулеметов. Можно будет подумать и о том, чтобы самим завладеть судном. Это сделать будет очень просто. Ведь буксирный канат у нас, ну и подтянемся поближе и... — здесь Камо выразительно щелкнул пальцами.

ВАНЬКА ЗА БОРТОМ

После того как Камо раскрыл боевикам их возможности, они стали чувствовать себя хозяевами положения.

Холодный норд-вест, несший лодку со скоростью двадцати узлов, крепчал с каждой минутой и к полуночи перешел в шторм. Лодку

швыряло из стороны в сторону. Боевики, за исключением Камо, Новикова и Казаринова, валялись на постелях в трюме, страдая морской болезнью.

Вдруг раздался оглушительный треск. Камо и Казаринов, схватив на ходу брезентовые плащи, выскочили на палубу. Сквозь рев бури с палубы в трюм доносились отрывочные громкие выкрики, из которых ничего нельзя было понять.

Через несколько томительных минут ожидания вниз спустился матрос, которого называли Ванькой.

Ванька был большой комик, он обычно смешил экипаж до слез, объясняя с прибаутками и комическими ужимками значение матросских терминов.

Но теперь он не шутил.

— Ребята, у нас сломалась грот-мачта, — прокричал он. — И хоть мы ее привязали, но все равно нам хан¹. Мы мчимся прямо на деникинское большущее судно.

И Ванька убежал на палубу. В трюме заволновались. Все почувствовали серьезность положения.

Вошел Камо. В его движениях не было заметно ни тени суеты ни торопливости. Спускаясь, он балансировал, держась за протянутый вдоль трюма трос,

---

¹ Хан — крышка, пропали.

прошел к своей постели и, как ни в чем не бывало, растянулся на ней. Рядом с ним, в носовой части трюма, находились постели Сандро Махарадзе и Володи Хотулашвили. Камо перекинулся с ними несколькими словами на грузинском языке и умолк.

Все ожидали сообщения о военном судне, об аварии, но вместо этого Камо поудобнее расположился на постели и ничем не выражал желания поделиться своими мыслями.

Пламя в неподвижно прикрепленных лампах бросало уродливые тени на обшивку трюма. Лодка, перекачиваясь с волны на волну, стонала всем кузовом. Протекло несколько напряженных минут. У многих морскую болезнь как рукой сняло.

— Камо, что же ты молчишь? — почти одновременно спросили несколько человек.

— Разве вы не спите? — удивился Камо. — Ничего особенного, — зевнув, спокойно добавил он, — деникинское судно от нас на далеком расстоянии... пройдет дальше. Паруса и мачту завтра днем исправим и будем продолжать наш путь.

И тон его ответа и самый ответ были слишком убедительны, чтобы оставить место какому-либо сомнению.

В трюме водворились спокойствие и тишина, нарушаемые лишь частыми ударами волн и стоном кузова.

К рассвету шторм стал утихать и к полудню перешел в ровный попутный ветер. На палубе кипела работа: устанавливали сломанную бурей грот-мачту, для чего углубляли старую гнездовую впадину. Мачту перевязали веревками по середине, а концы прочно укрепили у бортов лодки. Три женщины — члены боевой группы — при помощи Ваньки починяли изодранный парус фок-мачты.

Вечером, когда подул ветер, моряки начали поднимать парус. Подняли на фок-мачте, перешли к более громоздкой грот-мачте. Ванька должен был удерживать боковой хвост паруса. Надеясь на свои силы, он ухватил веревку паруса, не прикрепив ее к специальному крюку.

Ветер то крепчал, то временами как-будто замирал. Ванька, намотав веревку на руку, постепенно отпускал ее расправляющемуся парусу. Но вдруг сильный порыв ветра рванул полотнище, и Ванька, на мгновение мелькнув в воздухе, скрылся в море, захлестнутый полукольцом белого гребня волны.

— Ванька за бортом! — крикнул кто-то в трюм.

Одни, бестолково бегая по палубе, кричали:

— Бросайте круг! Отдайте якорь! Спустите паруса!..

Другие, видя, что помочь нельзя, неподвижно стояли и смотрели на волны.

Спасательного круга во всей лодке не оказалось. Но если бы даже он и был, все равно

никакой пловец не мог бы справиться с расходившимися волнами. Спустить же якорь недалеко от Дербента считается невозможным не только для рыбацких лодок, но и для больших пароходов.

Все эти обстоятельства были слишком очевидны для находящихся на палубе моряков. Один из них бросил было конец веревки в море, но по его адресу раздались иронические замечания товарищей, а один даже зло рассмеялся.

Стало темнеть. Гребни волн можно было различить только около бортов лодки, а остальное пространство воды сливалось перед глазами в сплошную сизую гладь. Некоторые с палубы ушли вниз.

Из кормового трюма вышел матрос Михаил.

— О чем галдеж разводили? — спросил он.

— Ты бы больше спал, задрыга. Ванька утонул, — недовольно ответил ему один из моряков.

— Ты что, очумел? Ванька в трюме сидит и переодевается, а он его топить вздумал.

Находившиеся на палубе бросились к кормовому трюму, чтобы проверить слова Михаила: уж очень серьезно он сказал. Начали спускаться по лестнице.

— Женщинам нельзя, — пробасил Михаил.

Вошли в трюм. Ванька сидит без штанов. Перед ним коньяк, луковица, открытая коробка консервов и ломоть хлеба. Слегка трясется. Губы

посинели. Черные волосы на ногах от холода ошетинились.

Посыпались перекрестные вопросы. Оказывается, Ванька был возвращен той же волной, которая его захлестнула. Он и сам не помнит точно, как все это случилось. Но только, когда он вынырнул, перед его носом оказалась лопасть руля, за которую он ухватился, потом быстро по ней вскарабкался на палубу и вскочил к себе в трюм.

Через полчаса Ванька шутил и смеялся по-прежнему.

ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Ночью с 21 на 22 ноября лодка проходила мимо острова Жилого, лежащего в 40 километрах от Баку. Здесь ее должны были ожидать бакинские товарищи. Но, пройдя совсем близко от берега, лодка никем не была встречена.

Причалить к острову Камо не решился, так как можно было легко попасть под прожекторы канонерок „Карса“ и „Ардагана“, которые неустанно курсировали в этих местах, задерживали суда, идущие из Астрахани, и зверски расправлялись с экипажем, если он подозревался в „большевистской заразе“.

Посоветовавшись с моряками, Камо решил отправиться на остров Булло, куда очень редко заглядывают рыбаки. Пройдя на восток километров тридцать, моряки повернули на север и пошли

уже на значительном расстоянии вдоль берегов Баку.

Никем незамеченные, днем 22 ноября они подошли к острову Булло, опустили паруса и стали на якорь.

Этот остров необитаем и поныне. Он представляет собой огромную скалу с большими извилинами, покрытыми сверху наносным песком; кое-где торчали маленькие пучки тощей верблюжьей колючки. Змеи в огромном количестве были его единственными обитателями.

Весь груз, находящийся в лодке, по приказанию Камо стали выгружать на берег. Отряд проработал почти до вечера, пока все бомбы, ценности, деньги, оружие и прочие предметы были перенесены с лодки в пещеру. Камо с большим искусством замаскировал вход в нее, после чего все вернулись в лодку, корпус которой, освободившись от тяжести, значительно поднялся из воды. Предусмотрительность Камо заставила его вспомнить про одно упущение.

— Все в порядке, — сказал он, — а вот забыли важную вещь — убитых змей не раскидали от пещеры.

Действительно, в два ряда, начиная почти от берега моря и до пещеры, лежали убитые при работе змей.

Посланные несколько человек разбросали часть змей во все стороны, а часть сложили в мешки и бросили в море.

С наступлением сумерек на палубе лодки водворилась тишина. Слышался только храп людей, уставших от дневной работы, и стук каблуков вахтенного.

Днем 23 ноября Камо остановил рыбацкую лодку и, договорившись с рыбаками, в тот же день уехал в Баку. Он оставил подробную инструкцию боевикам, в какие костюмы одеться и под какими документами прибыть в Баку, и обещал в скором времени прислать за ними людей.

Группа занялась приготовлением нарядов и распределением денег и ценностей для краевого комитета партии.

Утром 24 ноября к острову подошла присланная Камо парусная лодка. Прибывшие бакинские товарищи — Чикарев, Старожук и др. — привезли с собой адреса, по которым боевики могли укрыться на первое время. Володя Хотулашвили разбил всех боевиков на группы в три-четыре человека.

К вечеру они подходили к Баку. Все, кроме моряков - мусульман, сидели в трюме. Пройти в бухту без контроля было почти невозможно. К лодкам обязательно подходили военные сторожевые суда и делали проверку. Под руководством бакинцев этот контроль удалось обойти, так как боевики шли в бухту с южной стороны, где контроль был слабее. К тому же, заходя в бухту, они не сторонились сторожевых судов, а как заправские рыболовы прошли вблизи канонерок, и

мусульмане-моряки даже перекликались с охраной. Затершись среди туркменских рыбацких лодок, стоящих от берега на четверть километра, они бросили якорь. Отсюда на маленьких шлюпках по три-четыре человека стали переправляться на берег.

ГЛАВА IV

БАКУ

РЕСТОРАН „ИНТЕРНАЦИОНАЛ“

Выйдя из шлюпок, нужно было пройти шагов двадцать до берега по скользким камням, обросшим мохом и морскими водорослями. Разин и Куталадзе сорвались и упали в воду. К счастью, глубина была не большая — по пояс, но вымокли они изрядно. Камо, между тем, торопил каждую группу как можно скорее покинуть пристань.

Сандро Махарадзе, Разин, Александра Высокий и Павел Куталадзе через десять минут с адресом в кармане уже шагали по Миллионной улице.

Ночь была холодная. У Разина и Куталадзе не попадал зуб на зуб. Тогда решили зайти в какой-нибудь ресторан, чтобы дать возможность пострадавшим обогреться и обсохнуть.

Недалеко от пристани находился духан, где постоянными гостями были матросы, грузчики, контрабандисты и публика без определенных занятий. Богатые костюмы боевиков, сильный запах духов и золотые перстни на пальцах составляли резкий кон-

траст с грязным, последнего разряда духаном. Официанты на почтительном расстоянии подобострастно перекидывали с руки на руку замусоленные полотенца, ожидая приказаний „богатых гостей“. Сам хозяин духана помогал им выбирать блюда.

Сандро торопился уходить, хотя не прошло еще полчаса, и Разин с Куталадзе не совсем обсохли. Поужинав, Сандро подозвал хозяина и дал ему николаевскую пятисотку, ожидая сдачи. Эта пятисотка заставила еще больше заискивать духанщика и раболепно согнуться официантов.

Чтобы хоть немного представить себе ценность николаевских денег в Баку в 1919 году, достаточно будет указать, что 500 николаевских рублей равнялись 1400 рублям мусаватского правительства, причем цена хлеба за фунт на мусаватские деньги была 15 — 16 копеек.

Не успел Сандро рассчитаться за ужин, как в духан вошли два околоточных; один из них был мусульманин. Сандро процедил сквозь зубы: «Уже пронюхали... Скверно».

Полицейские вежливо поздоровались с группой и попросили предъявить документы. Сандро начал протестовать, указывая, что они не имеют права проверять у граждан документы на улицах города. Околоточные настаивали на своем, предупреждая, что в случае отказа они будут вынуждены пригласить всех в участок.

У боевиков документы были сделаны безукоризненно, оружия при них тоже не было, и это

вселяло в них спокойствие. Каждый при себе имел по три-четыре тысячи рублей николаевских денег, но благодаря богатым костюмам и золотым украшениям эти солидные суммы не вызывали удивления.

Когда околоточные настойчиво предложили следовать в полицейский участок, то Сандро решил отделаться от них в духане. Ворча про свинство и безобразие, он протянул им свой паспорт, по которому значилось, что он—грузинский князь. Околоточные, просмотрев документ, молча вернули его Сандро. Разин, ободренный успехом с паспортом товарища, подал свой. В его паспорте говорилось, что он—сын одесского купца Куликов. Околоточные переглянулись между собой. После проверки документов у Кутуладзе и Александры Высокого околоточные объявили, что так как все они по документам значатся грузинскими подданными и находятся в Баку, не имея на это визы, то они обязаны представить задержанных по своему начальству, а дальше — не их дело. Пришлось повиноваться.

В ПОЛИЦЕЙСКОМ УЧАСТКЕ

В три часа ночи все четверо сидели в седьмом полицейском участке, ожидая прихода на службу пристава Шпака.

Хотя положение боевиков не внушало им опасений, но все же они решили попытаться убежать из участка. Для этого послали одного из поли-

цейских купить вина, водки и разных закусок. Боевики боялись, что полицейские откажутся пить, но опасения были напрасны — все „стражи“ законов муссаватского правительства перепились, что называется, в дым.

В самый разгар попойки в участок явился сын пристава, тоже навеселе, и немедленно принял участие в кутеже. Он подсел к Сандро и заинтересовался, за что такие „джентльмены“ могли бы быть задержаны. Узнав о причине, он расхохотался.

— Я вас могу успокоить. Завтра же отец по моей просьбе освободит таких приятных джентльменов. Отец, — объяснил он, — пойдет в двенадцать часов на доклад к полицеймейстеру и возьмет вам временное разрешение на право проживания в Баку; а там ничего нет легче заменить его постоянным видом на жительство. Полицеймейстер никогда не отказывал в этом моему отцу.

В процессе разговора сын пристава обратил внимание на брильянтовый перстень Сандро и недвусмысленно попросил его примерить на свой палец. Сандро, видя, что юноша очарован игрой камня, подарил ему кольцо в знак „дружбы“. От этого подарка сын пристава пришел в дикий восторг.

— Господа, не дальше как завтра вечером кутим в „Яре“, кутим напропалую.

На рассвете, распроставшись с арестованными и еще раз подчеркнув свою чрезвычайную уве-

ренность в их освобождении, он ушел. Боевики, конечно, не стали бы связываться с этим шалопаем, если бы не маленькое происшествие. К тому моменту, когда полицейские перепились и боевики были готовы улизнуть из участка, с Александрой Высоким случилось плохо. Его уложили на скамью, кто-то дал шинель под голову, и он в таком положении пролежал почти до прихода пристава.

У него был сердечный припадок, и товарищи, конечно, не могли оставить его одного в полицейском участке.

„ДРУЗЬЯ“ СЫНА ПРИСТАВА

В десять часов утра арестованных вне очереди пропустили к приставу. Масляно улыбаясь, он предупредил их, что все знает, и хотя это будет трудно сделать, но ради друзей своего сына он постарается.

По общему порядку должны были обыскать задержанных и все найденные деньги и вещи указать в протоколе. Но „друзей“ сына пристав не обыскивали, а составляя протокол, пристав просил лишь поподробнее „припомнить“, что у них имеется в карманах.

Весь этот день боевики провели в приемной у полицеймейстера Мирзоева. Они дали взятки всем служащим, начиная от дежурного по приему и машинистки и кончая личным секретарем полицеймейстера.

Наконец они добились результата. Мирзоев наложил резолюцию о... высылке их в Тифлис как грузинских подданных.

Полицейских из седьмого участка сменили другие и боевиков отправили на вокзал в жандармскую.

Перспектива сидеть до отхода поезда с жандармами не представлялась веселой. Они попросили купить газету, которую, кстати, не читали с самой Москвы.

Из чахлой с замазанными рисунками правительственной „Азербайджан“ они узнали, что деникинцы волей неумолимых событий откатываются из-под Москвы—уже сдали Курск и отступают к Харькову.

Они жадно вырывали газету друг у друга, радостно читали и боялись, что глаза их обманывают. Жандармы смотрели на них ничего не понимающими глазами.

— Отец, живем, — крикнул Сандро и ударил по плечу ближайшего жандарма с рыжей бородой.

Жандарм посмотрел удивленными глазами на Сандро и усмехнулся.

ПО ДОРОГЕ В ТИФЛИС

С первым отходящим поездом боевиков отправили в Грузию. Они даже не заметили на радостях, что их посадили в вагон вместе с бандитами и уголовными. И только отъехав два пролета, они почувствовали всю опасность такого соседства. Среди бандитов нашлась группа „активистов“, которая вслух спокойно обсуждала, как

им поступить не только с богатыми костюмами, но и с самими боевиками. Остальные дружно поддерживали своих товарищей. Но Сандро нашел выход из этого не совсем приятного положения.

На третьей стоянке он потребовал, чтобы сопровождавшие жандармы купили съестных продуктов и вина для всего вагона. Когда все имевшееся в станционном буфете было принесено в вагон, Сандро разложил закуски на нижних лавках и пригласил всех:

— Ну, налетай, ребята, кому чего нехватает... Режь все под бритву.

„Ребятам“ это очень понравилось, они не заставили себя упрашивать и дружно очистили лавки.

Так боевики кормили уголовных до станции Акстафы—граница Азербайджана и Грузии, пока не были переданы грузинским жандармам.

И С Т О Р И Я   С   П Я Т И С О Т К О Й

По прибытии в Тифлис боевиков направили в участок, к которому они были приписаны по своим документам. В участке их освободили. В Тифлисе делать было нечего, и они всячески старались получить визы на въезд в Баку.

При содействии партийной тифлисской организации, через духанщика Романа за десять тысяч николаевских были получены визы и паспорта.

Через три дня они снова тряслись в вагоне, но уже из Тифлиса в Баку. Сандро был оставлен тифлисским комитетом партии для работы в Грузии.

В Баку при высадке на перроне Куталадзе и Александра Высокий свободно прошли мимо контролеров-жандармов, Разин же был опознан и задержан. Несмотря на исправные документы, несмотря на отсутствие улик в „большевизме“, его все-таки выслали обратно со следующим поездом.

На границе при передаче грузинским жандармам Разин бежал и попал на поезд, отходящий в Баку. Две станции он сидел неподвижно, слушая нудное жужжанье и тарахтенье колес и лязганье буферов. На третьей станции он рискнул пойти в буфет, чтобы перекусить. Разин выбрал себе жареную курицу и пару булок и попросил буфетчицу завернуть продукты в бумагу. Но едва он подал ей николаевскую пятисотку, как буфетчица дико взвизгнула.

— Вот он, вот, держите его!

Публика, находящаяся в зале первого класса, бросилась к прилавку, окружив их. Звеня шпорами, пробирались через толпу трое жандармов. У Разина сжалось что-то внутри, и сердце то билось сильными ударами, то совершенно замирало. Жандармы расспрашивали буфетчицу о причине скандала.

— Этот мошенник,—кричала она истерически,—второй раз дает мне фальшивую пятисотку.

Разин облегченно вздохнул и увереннее взглянул на жандармов.

— Господа,—сказал он,—это провокация, пятисотка самая настоящая.

Жандармы взяли у буфетчицы новенькую кредитку. Один из них, с длинными усами, стал ее яростно мять, потом, расправив, посмотрел на свет. Пощупав добротность бумаги, он снова смял ее и снова поднес к глазам. Два других жандарма, проделав с пятисоткой точно такие же манипуляции, велели Разину и буфетчице идти в канцелярию отделения для составления протокола.

Видя, что дело для него не опасно, Разин начал разыгрывать высокопоставленное лицо. Несмотря на его просьбы выяснить это недоразумение возможно скорее, чтобы он мог освободиться к следующему поезду, жандармы не думали торопиться. Тут Разин начал громко возмущаться поруганием офицерской чести, разыгрывая из себя поручика. Стуча по столу кулаком, он потребовал бумаги для подачи заявления начальнику жандармского отделения.

В этом заявлении Разин рассыпался в любезностях по адресу начальника и просил его смягчить грубое отношение жандармских чинов к нему, поручику царской армии, дравшемуся на фронтах против германского владычества. Тоном, не терпящим возражения, он приказал немедленно передать заявление начальнику отделения.

Через пять минут Разин уже сидел в большом, безвкусно убранном кабинете. Начальник, узнав, в чем дело, сильно заволновался.

— Какое безобразие собирать толпу зевак вокруг офицера в буфете. Вы им, по крайней мере, заявили, что вы — офицер? — спросил он.

— Конечно, сказал, господин начальник, — подтвердил Разин.

— Ах, канальи! Вы понимаете, поручик, что все это идет от большевиков. Это они научили население не уважать представителей армии и правительства. Но у меня шалишь! — и он с наслаждением постучал пальцем по краю стола, — я покажу им, как надо уважать офицерскую честь.

Он позвонил. Вошел на несгибающихся ногах дежурный, козырнул и замер.

— Принеси протокол по делу поручика Куликова. — Сделав небольшую паузу, начальник, как бы любуясь монументальной фигурой своего дежурного, добавил: — через пять минут.

Звон шпор, артистический взмах руки к козырьку, „слушаюсь“, мягко заторможенное на букве „ш“ — и дежурный, повернувшись на каблуках, исчез. Начальник, подняв брови и самодовольно улыбаясь, спросил:

— Каков, а?

Разин выразил свое восхищение, заметив, что ему приходилось видеть таких образцовых дежурных только в штабах действующих армий.

— Да и у нас не хуже, чем в штабе, ведется борьба с врагами народа. А за последнее время, — он вздохнул, — дела что-то плохи, ох, плохи... Но дисциплина, — вдруг встрепенувшись и повысив голос, продолжал начальник, — первое дело.

Дежурный принес протокол. Начальник велел позвать старшего жандарма. Прочитав при нем

протокол, начальник попросил показать ему спорные деньги, но они остались у буфетчицы. Через минуту толстая буфетчица была в кабинете.

Не успела она еще сделать и одного шага, как начальник заорал:

— Где фальшивые деньги, чортова кукла?

Буфетчица заторопилась достать деньги, спрятанные на груди. Начальник взял пятисотку и, как жандармы в зале I класса, повертел, пощупал, помял, посмотрел на свет и бросил кредитку на стол.

— Так ты говоришь, — обратился он к буфетчице, — что поручик Куликов второй раз тебе дает фальшивую пятисотку? Ну вот он сидит, посмотри на него хорошенько, узнаешь? — допрашивал начальник.

Буфетчица часто заморгала глазами, вглядываясь в Разина.

— Нет, это не он и ни капельки не похож на того, настоящего...

— Что же ты крик подняла в буфете? Или ты не знаешь, как с офицерами надо обращаться? Так я тебя научу, — угрожающе прибавил начальник.

— Господин начальник... Господи, прямо и не знаю, как все это вышло...

— Ну, иди, иди, довольно, — прервал ее начальник, а взгляд его как-будто говорил, что поквитаются они потом.

Буфетчица, тяжело вздохнув, вышла.

— А ты, сукин сын, чего смотрел, когда она голосила в буфете? — накинулся он на длинно-

усого жандарма. — Я тебя выкину в два счета, если ты мне еще раз устроишь такую подлость. Как ты смеешь так обращаться с офицером! — Начальник побагровел от напряжения голосовых связок.

— Но они в штатском, — попытался объяснить жандарм. Начальник не дал ему договорить и, топнув ногой, указал на дверь.

Разин рассыпался в благодарности перед начальником. Тот дружески его остановил.

— Ну, полноте, стоит ли об этом говорить; если бы я очутился в таком положении, разве вы мне не помогли бы?

— Конечно, конечно, — поддакнул Разин и утрированно весело засмеялся.

— Нет, все-таки каковы шарлатаны, а? — И начальник начал расправлять кредитку. Разин вынул несколько новеньких пятисоток и просил его убедиться в их доброкачественности. Начальник принялся их рассматривать.

— Посмотрите, ведь бумага-то какая — шелк! — и он умиленно слушал хруст новеньких кредиток. — Да, был когда-то хозяин, умели люди понимать, ценить жизнь...

— Аркадий Васильевич, возьмите в знак дружбы одну бумажку, — предложил Разин, видя, что его заискрившиеся глаза не могут оторваться от ковровых цветов кредитки.

— Ну что вы, что вы... — слабо запротестовал начальник.

— Я вас очень прошу, — настаивал Разин и, спрятав остальные кредитки в карман, оставил у него одну. Начальник довольно улыбнулся, щелкнул по пятастке пальцем и спрятал ее привычным жестом в боковой карман.

Он встал и заходил по кабинету. Маленькие репейчики на миниатюрных шпорах тонко звенели.

Наступал вечер. Начальник подошел к выключателю и повернул его два раза. Вспыхнула и застыла в тусклом, жемчужном свете люстра под потолком. Прозрачным изумрудом загорелась лампа на рабочем столе.

Разин боялся пропустить поезд. Спросить начальника было как-то неудобно, уж очень лирически он был настроен. Тогда он вынул часы.

— Торопиться некуда, — успокаивал его начальник. — До поезда еще час с четвертью, и мы успеем с тобой (он уже называл Разина на ты) хорошего винца глотнуть.

Начальник нажал кнопку звонка. Явился дежурный.

— Первый класс, Баку, — лаконически распорядился он. Дежурный щелкнул шпорами и исчез.

Опасаясь, что снова начнется нудный разговор, Разин сам начал его торопить в буфет. Там они уселись за почетным столиком с искусственными пальмами, с которых давно уже вытерлась краска. Начальник жадно уничтожал блюдо за блюдом, запивая их мутно-рубиновым вином. Разин был очень голоден, но отказался состязаться с ним в этом деле.

— Послушай, Куликов, не кажется ли тебе, что Антон Иванович не выдержит напора этих красnobандитов, если ему не помогут на Кавказе и в Закавказьи?

Разин не сразу понял, про какого Антона Ивановича идет речь. Начальник, чуть заплетаясь, продолжал.

— Нет, одна фамилия чего стоит: Деникин! Настоящая русская фамилия.

Разин посмотрел ему в глаза. Глаза самые обыкновенные — пьяные.

— Эх, Куликов, смять бы всю красную сволочь, захлестнуть в крови! А потом, по Марксу, мы ведь тоже ученые, как это там? Насчет разделения труда. Мы правим, а вы работайте. Ха-а-ха!

И он хлопнул Разина по плечу.

Это было слишком. Разин чувствовал, что играть становилось труднее. Он вынул часы и стал смотреть на циферблат и отраженную в нем горящую люстру.

— Аркадий Васильевич, — обратился он к начальнику, — черкни-ка ты мне несколько слов ротмистру станции Баку, чтобы он мне помог в случае чего... ведь приходится пока торговать, сам знаешь этих муссаватистов, они готовы съесть русского человека.

— Это пустяк, пожалуйста.

Начальник вынул блокнот со штампом 4-го жандармского отделения и написал Разину рекомендацию.

Подошел поезд. Усаживая Разина в вагон, начальник расцеловался с ним и даже прослезился, как и полагается пьяному человеку с аристократическими нервами. Поезд тронулся. Разин стоял в коридоре у окна вагона; начальник замахал платком. Разину пришлось ответить тем же, доигрывая свою роль.

О П Я Т Ь В Б А К У

В Баку Разин не вышел на перрон, а слез по другую сторону его. Долго плутая между составами вагонов, он, наконец, добрался до вокзала Сабунчинской ветки.

Первым делом нужно было найти своих. Еще раньше договорились, что если кто отобьется от группы, то должен притти в сквер близ Молоканской улицы. Он так и сделал. В сквере дежурил Абол с видом „скучающего“ человека. Они пошли в никкелировочную мастерскую, помещающуюся тут же на Молоканской. Эта мастерская служила боевой группе конспиративной квартирой.

Камо, выслушав рассказ Разина о его мытарствах, направил его в Романинский рабочий район. Разин приехал к плотнику Гандюрину, где уже находился Казаринов. Им была отведена комната, где они сидели целые дни. Гандюрин, уходя на работу, запирал их на замок и ключ брал с собой. Только с наступлением темноты они могли, переодевшись в рабочие костюмы, выйти на улицу подышать свежим воздухом.

Так прошло несколько недель. Потом Казаринова перевели в город, а Разина—к слесарю Вырыпаеву; там же находился и Д. Благовещенский (Темный). Абола и Стразина спрятали у себя Д. Н. Колосов.

В то время, когда Разин путешествовал из Баку в Тифлис и обратно, группа при участии бакинских партийцев перевезла в Баку все спрятанное на острове Булло.

Оружие было размещено в персидских чурешнях, в подвалах рабочих домов и в других надежных местах.

При перевозке же драгоценностей, несмотря на все строгости конспирации, часть их была арестована на квартире Амирджановой и направлена в розыскную полицию.

Провокатора не обнаружили и по сей день.

СОРВАВШАЯСЯ ПОЕЗДКА

8 января 1920 г. Красная армия заняла Ростов и подходила к Армавиру. Правительственная „Азербайджан“ и меньшевистская „Искра“ были встревожены усилением коммунистической работы в Баку.

Действительно, настроение рабочих районов Баку в связи с победами Красной армии заметно повысилось.

К этому времени разрешился в краевом комитете партии вопрос о боевой группе. Так как ее основная задача — дезорганизация тыла про-

тивника — была отменена отступлением самого Деникина, краевой комитет решил использовать боевую группу в случае государственного переворота. Камо вначале не соглашался, но потом не стал возражать.

Учитывая боевое назначение группы, членам ее было запрещено вести в подпольи какую бы то ни было агитационно-пропагандистскую работу. Камо категорически запретил им выходить днем на улицу. Эта мера предосторожности вызывалась тем, что большинство не знало местных бытовых условий, и при малейшей оплошности любой легко мог быть арестован.

Замурованные боевики отсиживались в рабочих районах, изредка меняя свои места от докучливых глаз шпиков.

В середине января Камо собрался ехать в Новороссийск, где тогда находился штаб Деникина. Он решил взять с собой из Баку несколько человек, а остальных подобрать среди тамошних партийцев. Ему казалась очень удачной мысль: взорвать штаб Деникина именно в Новороссийске.

Боевики наперебой стали просить Камо взять их с собой. Камо только отшучивался. Все были немало удивлены, когда узнали, что едут одни женщины: из боевой группы — Анна Волейко, Ася Аюпян и из бакинских партийцев — Маруся и Аруся Габриэлян.

Камо рассеял их недоумение, объяснив, что самое главное в предстоящем предприятии будет

заключаться в переброске взрывчатых веществ в Новороссийск, а в этой работе женщины незаменимы.

— Посмотрите только на складки их юбок, там сам чорт утонет. Если бы я был женщиной, — смеялся Камо, — то меня ни один сукин сын никогда не поймал бы.

Вечером этого дня они отъезжали. Камо ехал под именем князя Цулукидзе. Роскошная черкеска, мягкие кавказские сапоги, темно-коричневая каракулевая кубанка с накрест рассеченным позументами верхом и мастерски приделанная борода придавали строгость и внушительность его лицу.

Несколько человек из боевой группы пришли тайком их проводить. Они видели, как Камо прошел в свой вагон и не выходил оттуда до самого отхода поезда. На перроне жандармов почему-то было меньше, чем обыкновенно. Раздался третий звонок. Паровоз прощально загудел. Поезд тихо тронулся...

Вдруг на перрон высыпало такое количество жандармов, какого нельзя было предполагать во всем Азербайджане. Тронувшийся было поезд остановился. Часть жандармов кинулась занимать выходы из вагонов, а оставшиеся начали разгонять с перрона публику. Три боевика, притиснутые к железной сетке, огораживающей перрон, наблюдали за происходившим.

Камо вышел из своего вагона и, ругаясь по-грузински и по-русски, требовал жандармского ротмистра. К нему подскочил жандармский офи-

цер и, видимо, начал объяснять, в чем дело. Камо, не обращая на него внимания, кричал:

— Отцепляйте мой вагон, какого чорта наводите безобразие? Ищите себе какого-то Камо, но не задерживайте поезд.—И он опять ушел в свой вагон.

Жандармы собрали со всего поезда около двадцати мужчин брюнетов и повели их в кабинет начальника жандармского отделения. Боевики с волнением ждали, что будет дальше. Побрякивая шпорами, разговаривавший с Камо офицер вошел в его вагон. Через минуту он с Камо прошел в кабинет начальника. Сомнений не было—Камо арестовали.

Боевики собрались и часа полтора подробно обсуждали всевозможные варианты его спасения.

В самый разгар спора на пороге появился злой и недовольный Камо.

Он рассказал, как ему удалось провести начальника жандармского отделения. Со всего поезда собрали мужчин, будто бы похожих на Камо. Но его не обнаружили. Никому в голову не пришло взять под подозрение князя Цулукидзе.

— Трех все-таки забрали,—продолжал Камо,—утверждают, что между ними имеется Камо. Ну, когда эта комедия кончилась, начальник извинился за задержку поезда, и мы покатили в Тифлис...

— Как же ты здесь очутился?—спросил кто-то.

— Да разве можно мне ехать на таком поезде, где уже пронюхали, что я еду?.. Я на первой

остановке слез, взял извозчика и прикатил сюда а женщины пусть едут... это хорошо.

На другой день вечером Камо уехал в Тифлис.

Но и в Тифлисе быстро узнали о его приезде. И когда он с товарищами прибыл на батумский вокзал, их всех арестовали.

Грузинские меньшевики зазвонили во все колокола своих газет о том, что большевик Камо приехал в Тифлис для подготовки государственного переворота в Грузии. Камо посадили в хорошо знакомый ему Метехский замок.

С первого дня ареста Камо настойчиво добивался свидания с Ноем Жордания, но тот по своей трусливости отвиливал от этого. Две недели продолжались эти бесполезные просьбы и переговоры с секретарями и другими мелкими сошками. Камо написал на имя Жордания и других власть имущих людей письмо, в котором просил освободить его и товарищей.

В письме Камо указывал, что приезд его ни в какой степени не затрагивает интересов Грузии и что в Тифлисе он только проездом. В заключение Камо пригрозил Ноем Жордания.

Жордания слишком хорошо и долго знал Камо и понимал, что он никогда не бросает слов на ветер. Взвесив все это, Жордания решил отпустить Камо и его товарищей, фактически не причинивших никакого зла меньшевистскому правительству.

Группу во главе с Камо освободили с условием, что они оставят пределы Грузии в течение двадцати четырех часов.

Поездка в Новороссийск сорвалась. Камо вернулся в Баку.

ПОМОЩЬ ГИКАЛО

Вскоре после возвращения Камо из Тифлиса краевой комитет партии поручил боевой группе отвезти деньги тов. Гикало.

Во время оккупации Баку турками в 1918 году Гикало, окруженный со всех сторон врагами, на предложение сдаться и разоружить свой красногвардейский отряд ответил уходом в горы, на границу Армении и Грузии. Об этом хорошо вооруженном отряде знали и грузинские меньшевики и армянские дашнаки, но трогать гикаловских львов не решались.

По сведениям, имевшимся в распоряжении краевого комитета, отряд переживал в этот момент острую нужду в предметах первой необходимости.

Камо поручил Казаринову отвезти в горы деньги для гикаловского отряда. Казаринову сшили пальто, стеганное николаевскими пятисотками, дали надежного проводника, вооружили обоих и отправили в горы.

Через месяц Казаринов вернулся, удачно выполнив порученное ему дело. Он же привез печальную весть о Сандро Махарадзе и его жене — партийке.

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ГОРНЫХ ДОРОГ

Краевой комитет партии из Тифлиса послал Сандро и его жену для работы в гикаловском отряде. Ему дали дислокационную карту, присланную из Москвы, чтобы он проверил по ней расположение основных пунктов военной силы на стыке границ Азербайджана, Армении и Грузии. При помощи гикаловцев Сандро успешно справлялся с порученной ему работой.

Однажды он поехал с женой обследовать какой-то перевал для возможной переброски войск. Место было мало обитаемо, и гикаловцы никогда не замечали поблизости отрядов белых. Разбросанные там несколько аулов были дружелюбно настроены к скрывавшемуся отряду, так что опасаться было нечего.

После часа пути они достигли перекрестка горных дорог, которые Сандро должен был нанести на карту. Они направились к самой высокой точке перевала, как вдруг за их спинами захлестали выстрелы. Раненная под Сандро лошадь упала на бок, придавив ему ногу. Жена помогла Сандро высвободиться из-под лошади, и они залегли за камни; началась перестрелка.

Горцы аула, находящегося как раз над перекрестком, послали гонца к Гикало. Они хорошо знали Сандро, но помочь ему против нескольких десятков белых не могли, так как не имели ору-

жия, и им оставалось только пассивно наблюдать перестрелку.

Белые ранили Сандро в правое плечо, перебив ключицу. Сандро стал стрелять одной левой рукой, но пуля, попавшая в живот, отняла у него последнюю возможность защищаться; он перестал стрелять. Жена Сандро, у которой оставалось немного патронов, обороняла себя и Сандро. По временам она прекращала стрелять и, целуя смертельно раненного Сандро, успокаивала его, обещая, что скоро придет помощь, в которую не верила сама. Последнюю обойму вложила она в маузер (винтовочные патроны давно уже вышли) и припала за серый обломок камня, решив ни одного патрона не выпустить даром. Белые затихли; выжидала и она. Вдруг совсем близко прогрехотали два выстрела; жена Сандро ответила одним.

Когда пришла помощь от гикаловского отряда, то они застали растоптанный сапогами труп Сандро и изуродованное тело его жены.

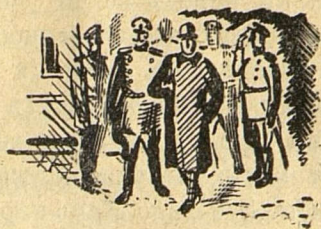
Даже гикаловцы, видевшие раньше зверства турок и муссаватистов, содрогнулись при виде этих двух трупов.

ГЛАВА V

ВОЕННЫЙ ДОГОВОР

ПРИЕЗД ДЕЛЕГАЦИИ

Красная армия все ближе и ближе подвигалась к Азербайджану и в середине марта 1920 года подходила к Грозному. К этому времени командование над остатками белой армии перешло от Деникина к верховному кругу Бакинские газеты упорно твердили о приезде делегации для экономических переговоров.

Боевая группа добыла подробные сведения о ее составе и задачах... Оказалось, что делегация хотела под видом экономического совещания заключить военный договор, направленный против советов, с муссаватистами в Азербайджане, с меньшевиками в Грузии и с дашнак-цутюнами в Армении. Эти партии находились во главе правительств своих республик.

Бакинская меньшевистская „Искра“ лицемерно расписывала на своих страницах, что-де этот „шаг приведет к более тесному экономическому сотрудничеству между свободными государствами“.

Камо решил во что бы то ни стало помешать заключению этого военного договора¹.

В двенадцать часов 19 марта ожидали делегацию от верховного круга Дона, Кубани и Терека. Камо заранее осмотрел выход с вокзала и наметил место, откуда должны были быть брошены бомбы. Это дело Камо поручил Разину, Страздину и Благовещенскому (Темному).

СТРУСИЛИ

Наступило 19 марта. Боевики дежурили у вокзального подъезда. Один за другим подъезжали автомобили градоначальника, губернатора, представителей военного министерства и членов муссаватского правительства.

Разин стоял у небольшого вокзального скверика, держа подмышкой шестифунтовую бомбу, замаскированную под нарядную конфетную коробку. Другая бомба, поменьше, лежала в кармане пиджака. Кроме этого, он был вооружен двумя револьверами. Страздин и Благовещенский поместились недалеко от подъезда, около моста, идущего через железнодорожные пути.

Подожел поезд. Конные жандармы оттеснили толпу любопытных от подъезда, что дало Разину возможность подойти ближе к автомобилям.

Прошло две минуты. Вышла делегация. Все почтительно уступали дорогу генералам, когда

---

¹ Это было сделано без ведома краевого комитета партии.

они проходили к автомобилю губернатора. Шоферы завозились у радиаторов. Разин сорвал ленту с коробки, готовясь бросить бомбу. Автомобили тронулись.

Но почему Страздин замешкался? Он должен был бросить первым, Благовещенский вторым и Разин третьим,—так велел Камо. Это был для них закон.

Мимо Разина плавно прошли несколько машин и наконец тронулся автомобиль с делегацией. Машина заревела, переходя с низких на высокие ноты, и мягко покатила в город.

Разин чувствовал себя опустошенным, раздавленным, уничтоженным. Мысль, что он струсил, клещами впиалась в мозг. Страшнее всего было то, что он действительно, пусть на мгновение, пусть на одну миллионную секунды, но все-таки струсил. Пробегая в памяти происшедшее, он искал себе оправдания и не находил. Он ясно почувствовал, что все оправдания увезла с собой делегация.

Он взял извозчика. По дороге к нему в пролетку прыгнул какой-то человек. Разин схватился за револьвер; незнакомец заметил это движение и спокойно улыбнулся.

— Я — свой, я — Ханбудагов.

По дороге он стал успокаивать Разина, что дело поправимо и Камо с этим согласится, что в провале здесь никто не виноват. Ничего не понимая, Разин насторожился. Но было несомненно, что посторонний человек не мог знать этих подробностей.

Они приехали в духан Романа, где их ожидал Камо с несколькими товарищами. Камо сидел за столиком и не спускал с Разина глаз. Кожа на лице Камо слегка подергивалась. Разин попробовал заговорить, но Камо перебил его и жестом подозвал Ханбудагова.

— Кто из них провалил?

Ханбудагов, который был послан Камо для наблюдения за ними, рассказал, что Страздина и Благовещенского удалили с вокзала два полицейских.

В это время в духан вошла элегантная дама.

— Ну, какие новости?—обратился к ней Камо.

Она подтвердила слова Ханбудагова, добавив только, что Страздин с самого начала стал от подъезда дальше, чем ему было указано.

— Это я виноват,—сказал Камо.—Нельзя было посылать человека, который всего лишь несколько дней как женился.

Несмотря на первую неудачу, Камо все же решил привести в исполнение свою идею. Он назначил на 20 марта для выполнения проваленного плана трех других человек. Разин просил назначить и его.

— Опять бомбу не бросишь? — спросил Камо, насмешливо прищулив один глаз.—Завтра в одиннадцать часов утра быть около гостиницы, где остановилась делегация,—продолжал он.—Пойдут три человека.—Разин затаил дыхание.—Абол, Новиков и... Разин. Абол бросает первым, Новиков вторым и Разин третьим. После этого они бегут к зданию парламента, где будут извозчики. Все. Понятно?

БОМБА БРОШЕНА

В одиннадцать часов дня 20 марта боевики дежурили около гостиницы „Метрополь“.

Новиков стоял на углу Ольгинской и Николаевской, куда выходило углом здание „Метрополя“, Разин с Аболом—на другой стороне улицы, против подъезда гостиницы.

Было туманно. Сеял мелкий дождь. Ждали с полчаса. Боевики полагали, что делегация поедет на автомобиле. Они очень удивились, увидев, что генералы в экипаже отъехали от „Метрополя“.

Разин подал знак Новикову, и все втроем поехали за коляской, не упуская ее из виду. Так проехали Ольгинскую, Михайловскую. Экипаж остановился на набережной около дома генерал-губернатора, который являлся и военным министром. Боевики проехали на квартал дальше, а потом пешком отправились к дому губернатора. Новиков прошел подъезд, Разин с Аболом остановились не доходя его.

Делегация, видимо, не застала генерал-губернатора и минут через пятнадцать вышла.

Двое из них сели в пролетку, а третий еще не успел сесть, как Абол бросил бомбу. Бомба ударилась о верх экипажа, упала на землю и дала оглушительный взрыв. Оконные стекла посыпались на мостовую. Абол скрылся в переулке возле старинной азиатской крепости, прилегающей к дому генерал-губернатора. В момент взрыва Разин

был оглушен. Лошади рванулись вперед, но дым, свертываясь клубами к центру взрыва бомбы, заставил их попятиться назад, и они затоптались на месте.

Мгновения бежали. Дым стал слегка рассеиваться. Разин держал свою бомбу наготове, сорвав тряпку, заклеивающую отверстие с гремучей ртутью. Из будок подъезда выскочили два охранника и загремели затворами винтовок. Разин замахнулся бомбой. Они, как очумелые, кинулись от него в подъезд. Брошенная бомба разорвалась между подъездом и пролеткой. Силой взрыва Разина отбросило назад; вскочив на ноги, он скрылся в том же переулке, где исчез и Абол.

Он оглянулся: за ним никто не следил. Тогда он быстро вынул револьвер, взвел его и, спрятав в карман, бросился бежать, останавливаясь, когда кто-нибудь шел навстречу. Пробежав крепость, он, еле сдерживая дыхание, вышел на Николаевскую улицу, близ здания парламента.

На улице толпились люди, встревоженные взрывами. Одни говорили, что это был взрыв в лавке перса, другие — будто турками в крепости когда-то были зарыты бомбы, которые сейчас взрываются, третьи — что это пробуют орудия. Один чуть-чуть не угадал, предполагая: „Салют по поводу приезда делегации“.

Разин спокойно, чтобы не навлечь чьего-либо подозрения, пробирался к Гимназической улице, где должны были ожидать извозчики. Но их там не оказалось. Тогда он решил поехать в Михай-

ловскую больницу, к больничному плотнику А. Петрову, у которого он последнее время скрывался. Тоня, сестра жены Петрова, заметила у него кровь на пальцах левой руки. Она перевязала ему руку и просила, чтобы он ушел из больницы. Тоня видела, как арестовали Новикова, и, видимо, догадывалась, кому принадлежали два взрыва, потрясшие город.

От Петровых Разин пошел к сторожу зубного отделения Кузьме; немного погодя туда же пришел Абол, но вскоре он ушел к Марусе Габриэлян, а Разин отправился бродить по окраинам.

НОЧЬ В АНАТОМИЧЕСКОМ ПОКОЕ

Вечером Разина снова потянуло к больнице. Больше некуда было идти, потому что в конспиративных квартирах Камо запретил появляться до тех пор, пока не уляжется поднятая ими паника.

Разин подошел к больнице. Прошел около нее один раз, другой, заглянул в ворота. Одолевало детское любопытство посмотреть, что делается во дворе. Постояв с минуту, он вошел в открытую калитку. Навстречу выбежала Тоня, рассказывая, что у больницы дежурит полицейский и никого не выпускает. У ворот, действительно, стоял вооруженный полицейский, которого Разин не заметил при входе.

Разговор был короток. Разин не умел говорить по-тюркски, а полицейский не понимал по-русски. Пошли в участок. С Разина сняли допрос, проверили документы; все оказалось в порядке.

Он попросил дежурного отпустить его, но дежурный отказал ему в этом, так как не было ни пристава ни его помощника.

Пока Разин разговаривал с дежурным, привели дворника больницы. Его стали о чем-то спрашивать по-тюркски. Но дворник или притворялся, что не понимает, или в самом деле плохо соображал с перепугу.

Тоня вступила в разговор, разъясняя дворнику вопросы и незаметно для полицейских делая ему глазами какие-то знаки. Дворник наконец понял, ухмыльнулся, посмотрел на Разина и замотал отрицательно головой:

— Ек, бельмерам (нет, не знаю).

Разин опять попросил дежурного отпустить его.

— Гражданин, не волнуйтесь, придет помощник пристава—и вы будете свободны,—с явным раздражением сказал дежурный и сел за стол в противоположном углу комнаты.

Тоня по-тюркски разговаривала с дворником; было слышно, как он повторял:

— Якши... якши... (хорошо, хорошо).

Выйдя на улицу, он сейчас же вернулся и что-то радостно зашептал Тоне на ухо.

Дежурный, сидя к ним спиной, увлекся каким-то журналом. Разин прошел к выходу и выглянул за дверь. Часовой с намотанным на руку ремнем от винтовки спал на скамейке.

Затаив дыхание, Разин прошел мимо спящего часового и твердо зашагал по тротуару.

Разин не спал всю ночь, голова была тяжелая; он ничего не ел, но есть не хотелось. Утром он сидел на скамейке какого-то оцепанногооокраинного бульвара.—Поспать бы,—почти вслух шептали губы.

Но спать нельзя. Разин поднялся, принимая деловой вид.

День прошел в шатаниях по городу. Он настолько переутомился, что уже не чувствовал усталости. Ее место заняла какая-то пустота безразличия. Такое состояние, наверное, бывает у загнанной лошади, перед тем как она должна упасть.

Подошел вечер. Разина снова потянуло к Михайловской больнице. Минута—и он уже в кустах сада. Навстречу ему из барака движется какая-то тень. Разин переложил в правую руку браунинг, в левую — деньги. Тень приблизилась, он узнал в ней сторожа Ивана, члена больничной партячейки. Обрадовавшись, они стали обсуждать, куда спрятать на ночь Разина. Иван — сторож анатомического покоя,—выбор ясен.

Он устроил Разина в подвале, наполненном разлагающимися трупами. Невозможно было дышать от зловония. Разин припал к дверной щели, жадно хватая свежую струю воздуха. Лежать было неудобно, мешали беспорядочно разбросанные трупы. Желая устроиться получше, он оттащил один труп за скользкую руку. Пальцы тонули в разложившейся массе. Усталое безразличие было сильнее отвращения, и он снова лег на свое место у дверной щели и вскоре заснул тяжелым сном.

Утром Иван принес ему завтрак, но Разин от пищи отказался—тошнило. Он только попросил сторожа никому не рассказывать о его местопребывании.

Через два дня Иван разыскал Асю Акопян, и Разин был переведен из своего „анатомического“ убежища в Черный город к Парушину.

Парушин был женат и имел ребенка. Все они помещались в маленькой квартире. Жить у него было неудобно, и Разин перешел к Уткину.

МЕРТВОГО В ПЕТЛЮ

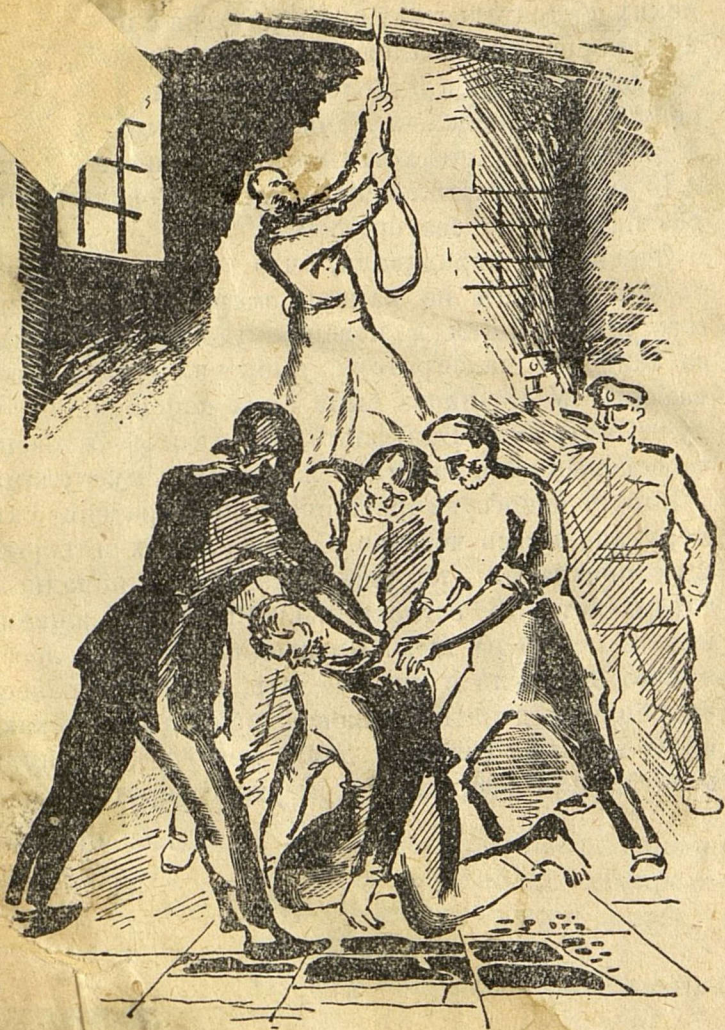
Что же случилось с Новиковым?

Когда бомба Абола взорвалась, Новиков заторопился развернуть свою, но следившие за ним полицейские во-время его схватили. Усадив на автомобиль, они приказали указать место, где живет он и его товарищи. Новиков товарищей выдать отказался, а на свою квартиру привез полицейских. Он жил у больничного повара.

Квартиру повара обыскали и арестовали ее хозяина, Ага. В участке обоих пытали. От Новикова ничего не добились, но повар не выдержал и выдал всех, кого знал. К счастью, он знал не многих. В участок привезли, тоже по его указанию, Д. Колосова, его жену А. Смирнову и А. Петрова.

Сам губернатор приехал к этому времени и стал допрашивать Новикова. Новиков отказался признать четырех арестованных, утверждая, что видит их в первый раз. Губернатор обещал Новикову отпустить его на свободу, если только он сообщит, где и при

каких обстоятельствах он встречался с ними. Новиков упорно отказывался. Тогда его отправили в Байловскую тюрьму, а Д. Колосова, его жену Смирнову и А. Петрова назначили к высылке в Ганджинскую губернию, хотя против них и не было улик.

В застенках Байловской тюрьмы Новикова еще раз пытали, но безуспешно.

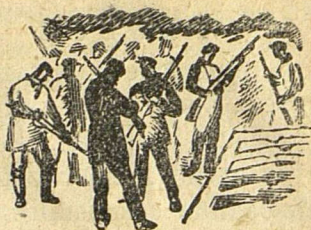
Очевидцы передавали, что когда Новикова хотели вывести из камеры смертников на казнь (его приговорили к повешению), то он, схватив за шиворот надзирателя, выбросил его из своей камеры. У Новикова была сила непомерная. Будучи матросом Балтфлота, он отличался своим телосложением и поистине железными мускулами.

Вместо одного выброшенного надзирателя в камеру ввалилось четверо. Он избил всех четверых. Администрация тюрьмы вызвала одиннадцать татар, которые согласились Новикову живому надеть петлю на шею. Но и одиннадцать человек ничего не могли с ним сделать, и только, нанеся ему больше десятка ножевых ран, его, истекающего кровью, говорят, даже мертвого, всунули в петлю для оформления смертного приговора.

ГЛАВА VI

ПОСЛЕДНИЙ УДАР

ПРОЛЕТАРИАТ ГОТОВ К ВОССТАНИЮ

Понемногу паника в Баку улеглась. Делегация верховного круга Дона, Кубани и Терека, забыв про порученные ей переговоры, уехала к себе на Дон, увозя одного мертвого и одного помешавшегося от контузии.

В рабочих районах началась полоса арестов: закрывались рабочие клубы, разгонялись рабочие собрания.

Краевой комитет партии поручил Камо организовать широкие боевые группы по рабочим районам, вербуя в них молодняк. Руководителями этих новых групп Камо назначил членов своей боевой группы.

Разин и Абол руководили рабочей молодежью Черного города. Для занятий они собирались за стеной рабочего Черногогородского клуба, куда часто приезжал Камо.

Пролетариат Баку напряжено готовился к перевороту.

РАЗГУЛ МУССАВАТОВ

Все свирепее расправлялось муссаватское правительство с рабочими и с подпольной коммунистической партией. Все больше в мероприятиях муссаватистов проглядывал циничный авантюризм. Чиновники обворовывали государственную казну, предприниматели и финансисты брали свои вклады из банков.

Рабочим и их семьям, стоявшим в очередях, нехватало хлеба, и они питались одними орехами. Полиция и жандармерия арестовывала подозреваемых без соблюдения каких бы то ни было формальностей.

Весь налет „цивилизации“, так усердно культивированный муссаватистами, улетучился, и остался бесшабашный разгул военщины.

Уткин из своей квартиры перевел Разина и Абола на шаланду „Кавказ“, стоявшую у пристани в районе Черного города.

В каждом районе Баку широкие рабочие боевые группы обучались „искусству восстания“. Камо доставалось работы по ушам, но он всегда и везде успевал; знал работу каждого района настолько же хорошо, насколько ее знали и непосредственные руководители. Из крупных районов были: Черный город, Баилов, Биби-Эйбат, Балаханы, Сураханы и Романы, не считая других помельче.

С обучением дело шло гладко, но вопрос об оружии оставался пока открытым. Из Астрахани

должны были в скором времени прибыть несколько лодок с пулеметами, винтовками, гранатами и патронами. Нужно было где-то эти лодки принять, разгрузить и спрятать так, чтоб их не заметили прожекторы с военных кораблей. Это было поручено Уткину.

РАБОТА НА ШАЛАНДЕ

Рядом с шаландой „Кавказ“ у пристани Бакинского нефтяного о-ва стояла шаланда „Виктор Гирш“, а в ста метрах от нее у пристани Руно стояли пароходы „Игнатий“ и „Бремер Вулкан“.

Как-то вечером Уткин зашел на „Кавказ“ для переговоров с капитаном шаланды А. Николаевым. Оба они друг друга знали с 1907 года, и поэтому Уткин прямо поставил вопрос перед капитаном.

— Хотя ты и беспартийный, — начал Уткин, — но тебе я верю как самому себе. Ты должен работать совместно с нами для подготовки свержения муссавата. Твое судно нам необходимо, как конспиративная квартира и как склад для оружия. Что ты скажешь мне на это, Николаев?

Николаев на минуту задумался, потом ответил твердо.

— Конечно, я знаю, что меня за это ожидает, если дело откроется... Рисковать жизнью мне не привыкать, а мою преданность советской власти ты прекрасно знаешь. Но... со мной на борту жена

и трое детей. Имею ли я право без их согласия подвергать их жизнь опасности?

— Правильно, посоветуйся, — заключил Уткин. И они разошлись до следующего вечера.

На следующий вечер их разговор продолжался.

— Я советовался с семьей, — начал капитан.

— Ну, и что же? — спросил Уткин.

— Семья согласна...

— А ты им сказал, что их ожидает в случае обыска? — допытывался Уткин.

— Как же, они и без меня все это хорошо знают. Уткин крепко пожал ему руку.

— К тебе, — продолжал Уткин, — придет наш товарищ Парушин, он будет с надежными людьми помогать в деле разгрузки оружия.

Семья капитана состояла из восемнадцатилетней дочери Веры, шестнадцатилетнего Васи и пятнадцатилетнего Коли. Кроме них, из обслуживающего персонала на судне жили механик, кочегар и боцман. Боцман был человеком надежным, а механик и кочегар каждый вечер уходили с судна домой.

Через два-три дня подошла с оружием первая лодка, ее благополучно разгрузили, и она ушла в море.

Переносить оружие было чрезвычайно трудно. По обеим сторонам „Кавказа“ совсем близко стояли другие суда. На пристани круглые сутки дежурили сторожа и, кроме того, всегда можно было опасаться, что какой-нибудь военный корабль осветит их прожектором.

Коля и Вера отвлекали внимание сторожей-мусульман, разговаривая с ними по-тюркски. Вася в это время следил за тем, чтобы с пристани не было видно работы разгружающих оружие.

Однажды, когда пришла третья лодка, ее и шаланду поймал прожектор. Некоторые растерялись, а Вера и Коля с ловкостью развесили на палубе белье и тем скрыли работавших. Едва разгруженная лодка отчалила, как с другой стороны к „Кавказу“ подошел катер с военного корабля „Астрабад“.

— Какая была лодка?.. — закричали с катера.

— Брала пресную воду, — крикнул в ответ Николаев.

На катере, видимо, удовлетворились, и он ушел к своему кораблю.

На шаланде всем хватало работы. Вера на машинке печатала всякие бумажки по поручению Уткина и держала связь между судном и Черным городом. Жена капитана переносила бомбы в рабочий клуб, завернув их в одеяло, как маленького ребенка. Возвращаясь, она несла завернутые в одеяло поленья дров. Коля был незаменим при укладке оружия. Он аккуратно рассовывал винтовки по закоулкам трюма. Он же бегал ночью в очереди, где рабочие стояли за хлебом и, вернувшись, передавал о всем слышанном.

На шаланду несколько раз приходил Камо, осведомляясь о доставке оружия. И с каждой благополучно принятой лодкой он становился веселей.

ВЕРЕВКА ПЛАЧЕТ

Как-то вечером жена капитана вернулась из клуба очень взволнованной. Она попросила команду судна „Виктор Гирш“ дать ей сходню, которая была ими убрана из-за волнения на море. Команда ворча исполняла ее просьбу, но, проходя через палубу „Виктора Гирша“, она слышала чей-то угрожающий голос:

— Эх, давно по вас веревка плачет.

Вечером пришел Парушин с товарищами, и было решено следующую лодку погрузить на „Виктора Гирша“, чтобы ответственность была у всех одинаковая, чтобы „веревка плакала“ не по одному только „Кавказу“.

Через два или три дня после этого случая пришла четвертая лодка с пулеметами и пулеметными лентами. Все было выгружено пока на палубу „Кавказа“. Жена капитана Николаева отправилась к командиру „Виктора Гирша“ и попросила разрешения до следующего дня погрузить к нему на борт часть товара. Он был навеселе, не расспрашивал, в чем дело, и велел грузить.

Бакинские партийцы открыли борт „Виктора Гирша“ и перетасили туда несколько сот ружей, три пулемета и несколько десятков пулеметных лент.

Утром капитану „Виктора Гирша“ сообщили, что на его судне имеется груз оружия. Он был поражен. Команда совсем притихла, представляя

себе последствия. С капитаном „Виктора Гирша“ сделали очень просто. Он был беспросыпным пьяницей; ему дали одного партийца, „компаньона“, который, не отпуская капитана с судна, должен был спаивать его.

В команде нескольким человекам можно было доверить, а тем, на кого нельзя было положиться, пригрозили смертью, если бы они заикнулись о происшедшем муссаватскому правительству. Кроме того, за ними была установлена усиленная слежка.

Муссаватское правительство становилось все наглее. Закрыли черногородский рабочий клуб, где велась основная работа по подготовке переворота.

21 апреля командир с „Виктора Гирша“ заявил, что хранить оружие больше не может, так как ему нужно произвести срочный ремонт трюма. Капитан с „Кавказа“, видя, что он трусит, взял к себе на борт все оружие с его судна.

ПОМЕНЬШЕ КРОВИ

24 апреля муссаватское правительство выпустило воззвание к населению, в котором призывало „рабочих и граждан“ к защите г. Баку от Красной армии. А 1 мая нелегально, по распоряжению того же правительства, готовился поголовный обыск в рабочих районах.

Началось вооружение рабочих. Прежде всего вооружились широкие боевые группы, организо-

ванные Камо, а затем рабочие заводов Манташева и Шибаева и др.

В 7 часов вечера 27 апреля Камо сообщил Разину с Аболом задачи черногогородской боевой группы в день переворота.

План был таков. В 12 часов ночи с 27 на 28 апреля должны последовать одновременно пять взрывов в разных концах города — это будет означать, что восстание началось. К этому времени руководители районных боевых групп должны распределить задания между членами своей группы.

Камо, прощаясь, говорил:

— Я вас прошу, сдерживайте восставших, насколько возможно, от пролития ненужной крови.

Он ушел, стройный, затянутый в серую черкесску.

С берега дул теплый ветер. Мелкая рябь, убегающая от света пристани, исчезала в серо-мутном мраке ночи.

Камо, этот неустрашимый борец, который всю жизнь шагал по своей и чужой крови, не переносил ненужного кровопролития.

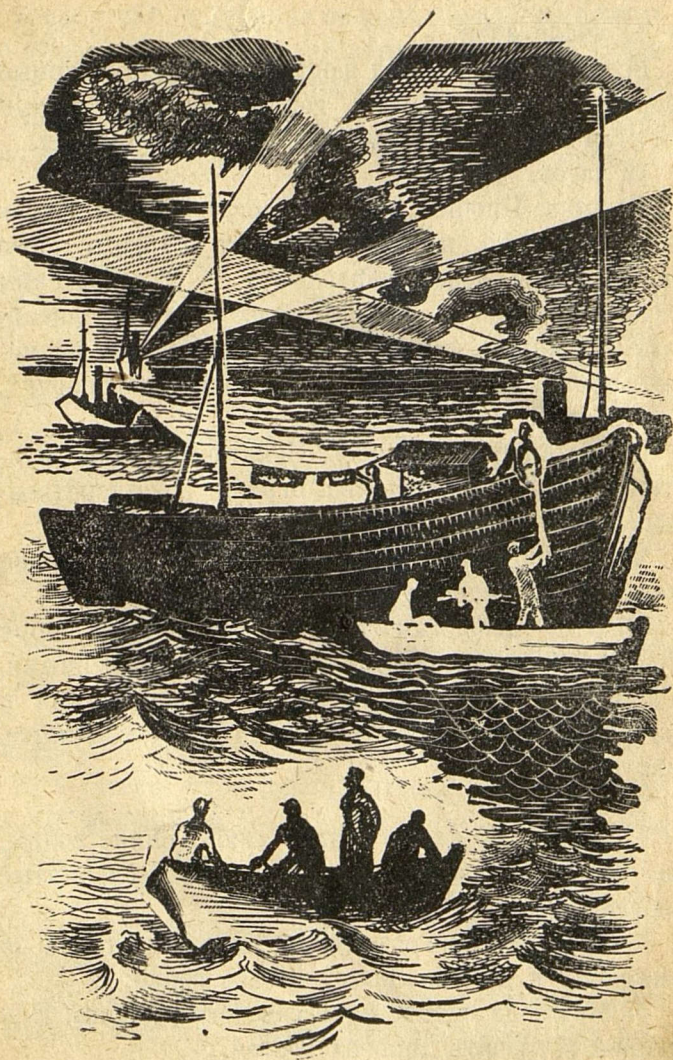
С О В Е Т С К И Й   Б А К У

Наступило 27 апреля.

Вечер. 8 часов.

Между бортами „Кавказа“ и „Виктора Гирша“ стоит лодка; ее нагружают оружием для раздачи рабочим. Под назойливыми лучами прожекторов отправили таких четыре лодки.

11 часов ночи.

Весенний ветер под фонарями кружит черные воронки сажн. Черный город где-то за углами притаился пулеметами, винтовками и бомбами.

12 часов.

Тишина. Прошел первый час 28 апреля. Связь сообщает, что краевой комитет партии через посредников ведет переговоры с муссаватским правительством о мирной сдаче Баку большевикам. Правительство упрямится, хотя ничего не может противопоставить вооруженной силе рабочих.

3 часа 30 минут.

Правительство сдалось. Некоторые члены муссаватского правительства, ограбив государственные кассы, бежали в Грузию.

Черногородской боевой группой заняты в районе все здания общественного значения.

Облитое победным заревом встает из-за моря солнце, но люди чувствуют себя неразряженными. Сколько готовились, сколько было волнений и напряженнейшей работы—и вдруг все кончилось так просто.

. . . . .

Шаланду „Кавказ“ лениво лижут синие волны; на корме оранжевыми змеями лежат свернутые канаты.

Коля бежит по грохочущей сходне и, топая по спардеку к каюте, кричит во все горло:

— Мама, да здравствует советская власть! Иди скорей встречать дорогих гостей,

К пристани подходила большая колонна рабочих во главе с Парушиным. Капитан Николаев поспешил к Парушину, и они крепко расцеловались. Рабочим выдали патроны и винтовки, а остальное оружие было сложено на три грузовых автомобиля.

*

Совершившиеся ночью события были известны только тем, кто принимал в них участие. Тихо, без единого выстрела, перед рассветом были заняты парламент, дом генерал-губернатора, разоружены некоторые враждебно настроенные части войск, на канонерках „Карс“ и „Ардаган“ (самых сильных судах на Каспии) были подняты красные флаги.

Утро 28 апреля бакинскому обывателю показалось таким же, как и всегда. Торговцы открывали магазины и лавки, дворники подметали улицы, домохозяйки с корзинами торопились на базар. Даже городской, сменяя своего товарища, не знал, что он несет охрану общественного порядка уже советского правительства.

В 8 часов утра распространились слухи, что власть перешла к деникинцам. Торговцы спокойно продолжали свое дело.

В 9 часов утра появились упорные слухи, что власть находится в руках советов. Торгаши забеспокоились.

В 10 часов утра временный революционный комитет выпустил воззвание, призывая всех жи-

телей г. Баку к спокойствию и порядку. После этого воззвания закрылись все ларьки, лавки и магазины.

Подъезды, ворота и калитки домов запирались на замки. Улицы опустели. Многие обыватели попрятались, ожидая резни, стрельбы и разрушений.

К 11 часам утра город оживился. Показались густые колонны манифестантов. Впереди двигались броневики и части войск, примкнувшие в восставшим. Потом шли рабочие всех районов с радостными лицами. С балконов, с грузовиков, с наскоро устроенных трибун члены революционного комитета приветствовали демонстрантов.

Но атмосфера жизни города продолжала оставаться напряженной. Только 29 апреля, когда прибыли вызванные бронепоезда „Роза Люксембург“ и другие, а еще через два дня пришла конница Буденного, только тогда стало очевидным для самых заплесневелых мещан, что 28 апреля 1920 г. вооруженный пролетариат Баку сделал Азербайджан несокрушимо советским.

После переворота, по постановлению ЦК Азербайджанской компартии, боевая группа была расформирована. Большинство боевиков уехало в Москву учиться.

А неутомимый конспиратор-боевик Камо уехал в новое подполье — в Персию.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ КАМО

Из Персии Камо вскоре вернулся. Он решил осуществить давнишнюю свою мечту — пополнить знания. Владимир Ильич одобрил его намерение и предложил готовиться в Академию генерального штаба.

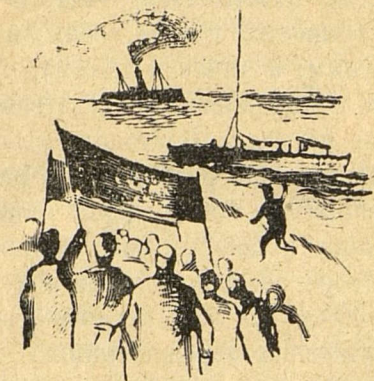
Камо не раз предлагали ответственные посты, но он всегда отказывался, отчасти по необычайной скромности, считая себя недостаточно подготовленным, а отчасти потому, что в сфере „начальства и подчиненных“ чувствовал себя совершенно не на месте. Благодаря своему ясному уму он превосходно разбирался в разных политических вопросах. Когда перед партией встала проблема нэпа и многие из товарищей с более солидной теоретической подготовкой смутились, для него вопрос был ясен, хотя нэп дал ему много тяжелых душевных переживаний.

14 июля 1922 года, во время пребывания в Тифлисе, в 11 часов вечера он спускался на велосипеде по Верейскому спуску. Налетевший автомобиль отбросил его на фонарный столб, и через два часа, не приходя в сознание, он скончался.

Похороны, которые устроил пролетариат Кавказа своему борцу, превзошли своей грандиозностью все когда-либо виденное в этом роде Тифлисом. Прах его покоится в Пушкинском сквере.

Именем тов. Камо названа улица, где он жил, детский дом, одно предприятие и городская больница в Тифлисе и несколько домов отдыха на курортах Кавказа.

Черноморский пароход, рассекая океанские воды, несет далеко за пределы Советского Союза написанное на своем борту имя Камо.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Биография Камо	5
Глава I. МОСКВА	21—38
У ворот Спасской башни	21
Знакомство с Камо	22
Семьдесят семь раз отмерь и один раз отрежь	26
Экзамен на храбрость	29
Глава II. МОСКВА—КУРСК	39—60
Боевое крещение	39
Курск отдали белым	45
Неожиданные трофеи	50
Под видом белых	54
Метание бомб	59
Глава III. МОСКВА—АСТРАХАНЬ	61—76
Выбыл из строя	61
„Погибнуть всегда успеем“	64
Ванька за бортом	67
Последние приготовления	72
Глава IV. БАКУ	77—100
Ресторан „Интернационал“	77
В полицейском участке	79
„Друзья“ сына пристава	81
По дороге в Тифлис	82
История с пятисоткой	83
Опять в Баку	92
Сорвавшаяся поездка	93
Помощь Гикало	98
На перекрестке горных дорог	99
Глава V. ВОЕННЫЙ ДОГОВОР	101—112
Приезд делегации	101
Струсили	102

Бомба брошена 105

Ночь и анатомическом покое 107

Мертвого в петлю 110

Глава VI. ПОСЛЕДНИЙ УДАР . . . . . 113—126

Пролетариат готов к восстанию 113

Разгул муссавата 114

Работа на шаланде 115

Веревка плачет 118

Поменьше крови 119

Советский Баку 120

Последние годы жизни Камо 125

П Я Т Ь Д Е С Я Т П Я Т Ь К О П Е Е К

30

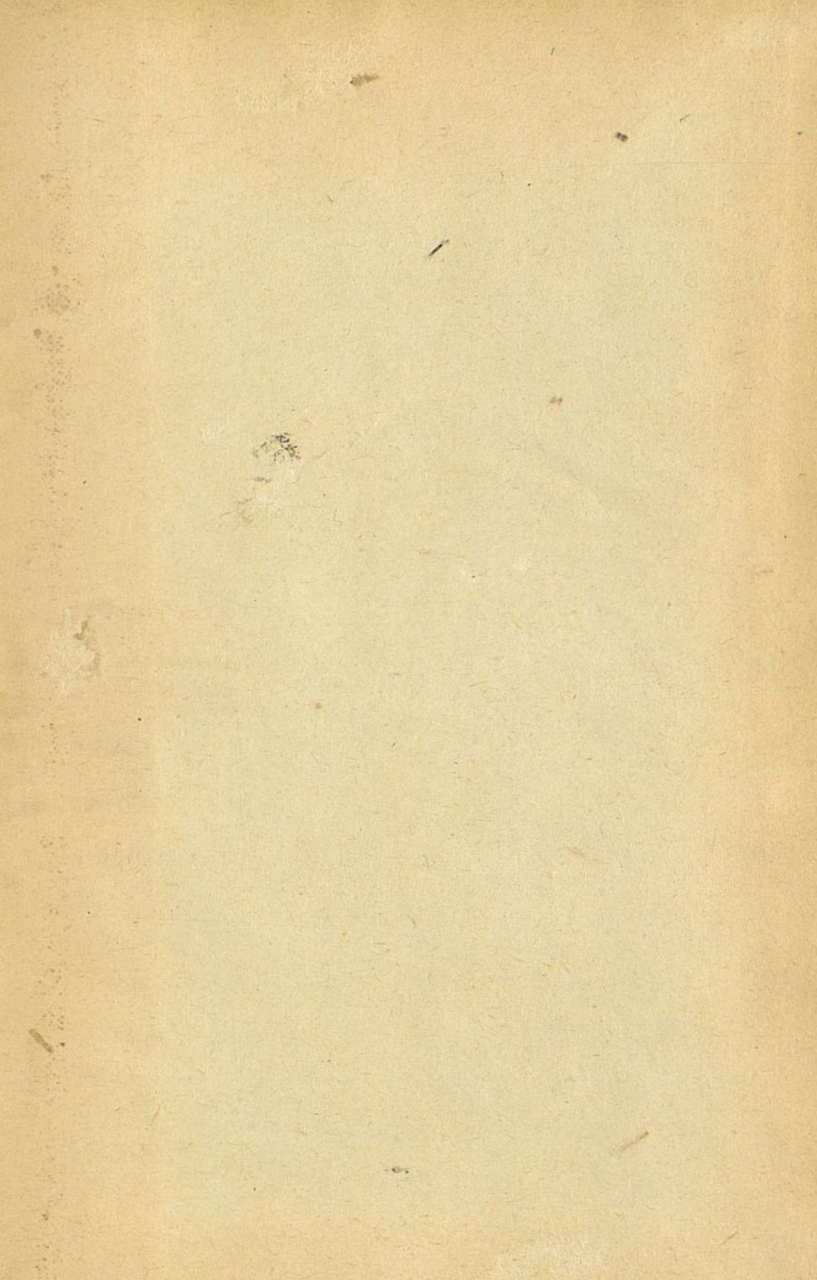
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОСЛ. АКАД. НАУК
ТРИЗ

СКЛАД ИЗДАНИЯ

МОСКВА, БОГОЯВЛЕНСКИЙ, ДОМ № 4

ИГОЦЕНТР

80-

6

